

Глава 9

ИМЭМО ПОД УДАРОМ (1982 ГОД)

Сумерки брежневской эпохи

Осенью 1974 г. исполнялось десять лет пребывания у власти Леонида Брежнева. Кто знает, быть может, 14 октября он даже отметил в узком кругу этот юбилей, не ведая о том «подарке», который сорок дней спустя преподнесет ему судьба.

24 ноября 1974 г., сразу же после завершения во Владивостоке напряженных переговоров с президентом США Джеральдом Фордом относительно намечавшегося заключения двустороннего соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, Брежнев почувствовал себя плохо. Врачи констатировали у него спазм сосудов головного мозга. *«Тяжелейший срыв произошел в поезде, когда, проводив американскую делегацию, Брежнев поехал в Монголию, — вспоминает сопровождавший его академик Евгений Чазов, руководитель 4-го Главного управления при Минздраве СССР (бывший Лечсанупр Кремля). — Из поезда я позвонил по спецсвязи Андропову и сказал, что... скрывать состояние Брежнева будет трудно, учитывая, что впервые не врачи и охрана, а вся делегация, находившаяся в поезде, видела Брежнева в невменяемом, астеническом состоянии»*¹.

По авторитетному свидетельству Е. Чазова, первые признаки динамического нарушения мозгового кровообращения появились у Брежнева весной 1973 г., но он пренебрег тревожными сигналами. Он не желал отказываться от «вредных привычек», не выполнял предписаний врачей, сам себя «врачевал» категорически противопоказанными ему снотворным и различными транквилизаторами, которые правдами и неправдами добывал у своего окружения². Какое-то время ему это сходило с рук, но после владивостокского инцидента состояние здоровья Брежнева стало неуклонно ухудшаться. Лечащие врачи делали все возможное, но им удалось лишь затормозить, но не остановить необратимое развитие атеросклероза сосудов мозга. Брежнев постепенно становился нетрудоспособен, превращаясь в беспомощного инвалида.

¹Чазов Евгений. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992. С. 128.

²Там же. С. 115–127.

Когда 28 июля 1975 г. ему пришлось поехать в Хельсинки для подписания от имени СССР Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, то вместо дипломатов, как положено в таких случаях, с ним отправилась группа врачей¹. С этого времени врачи (а в дальнейшем и реанимобиль) сопровождали Брежнева во всех его передвижениях по стране и за рубежом.

Ухудшение физического здоровья сопровождалось у Брежнева падением интеллекта и прогрессирующими изменениями личности². Все, кто хорошо его знали, единодушно говорят о «двух Брежневых» — до и после болезни.

Из воспоминаний академика Георгия Арбатова о «раннем» Брежневе:

«...Это был человек в обращении простой, демократичный. Во всяком случае, в первые годы, когда он еще не разучился слушать людей, говорить спасибо за помощь, даже публично признавать, что многих вещей не знает. Не вызывает сомнений и то, что он обладал здравым смыслом, не был склонен к крайностям, скороспелым решениям, хотя потом это превратилось в свою противоположность — в нерешительность и бездеятельность. <...>

Он имел заслуженную репутацию человека малообразованного и недалекого (хотя в этом плане Брежнев, опять же, был не хуже, а может, лучше многих других представителей руководства, таких, как Кириленко, Подгорный, Полянский). Те, кто изображает его глупцом, не правы. Он был по-своему очень неглуп. И я имею в виду не только хитрость, аппаратную ловкость, без которых он бы просто пропал, не выжил в тогдашней системе политических координат. Нет, речь именно о том, что Брежнев мог проявлять политическую сообразительность, ум и даже политическую умелость. <...>

Поначалу Брежнев не строил из себя «великого человека». Своим помощникам он говорил: «Пишите прозе, не делайте из меня теоретика, иначе ведь все равно никто не поверит, что это мое, — будут смеяться». И сложные, затейливые места — вычеркивал (бывало, даже просил вычеркнуть цитаты из классиков, поясняя: «Ну кто же поверит, что Лёня Брежнев читал Маркса?»).

В отличие от Хрущева, он не высказывал по каждому вопросу свои мнения — первые годы выжидал, прислушивался и присматривался, словом, вел себя осмотрительно, даже с известной скромностью и достоинством (во все это трудно поверить, вспоминая «позднего Брежнева»)»³.

¹ «Вспоминаю, как возмущались некоторые работники МИД СССР тем, что в зале заседаний рядом с Брежневым находились врач и охрана, а не дипломаты всех рангов. Возможно, они думали, что мы это делаем из тщеславия. А у нас была только одна мысль — хоть бы скорее все заканчивалось и лишь бы не пришлось на ходу применять лекарственные средства», — пишет Е. Чазов // Там же. С. 131.

² Одним из проявлений этого распада личности была пробудившаяся у Брежнева болезненная страсть к наградам и подаркам, которым он радовался, словно ребенок.

³ *Арбатов Георгий*. Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 188–189.

С оценкой Арбатова перекликается характеристика «раннего» Брежнева, данная другим его советником, академиком Н.Н. Иноземцевым.

«Со мной он довольно откровенно говорил о Брежневе, причем говорил позитивно, отмечая его достоинства, в частности, его разумность, — вспоминает Маргарита Матвеевна Максимова, вдова Иноземцева. — При подготовке текстов докладов, которые писали его советники, в том числе и Иноземцев, Брежнев обычно расставлял довольно правильные акценты. Приступая к этой работе, он, например, говорил своим советникам: «Я думаю, пора вот этот вопрос поставить. Как вы на это смотрите?..». Затем он уходил, оставляя советников поразмышлять над высказанным соображением и литературно его оформить.

Каждый из советников Брежнева размышлял в одиночестве, потом они собирались вместе и обсуждали продуманное наедине, чтобы выработать согласованную позицию, предлагающуюся на рассмотрение Генерального секретаря. Брежнев, по словам Иноземцева, быстро и верно схватывал изложенные мысли, давал свои комментарии, причем, всегда по делу. Часто он даже что-то подсказывал советникам. Так было до болезни Брежнева. <...>

Следует отметить, что Николай Николаевич хорошо знал членов брежневского Политбюро и считал, что Брежнев — это далеко не худший вариант. В конце концов, именно Брежнев подписал оба важных соглашения по стратегическим вооружениям с США, именно он решился подписать Заключительный акт Европейского совещания в Хельсинки со всеми его «триада корзинами». Иноземцев искренне признавал роль Брежнева в разрядке международной напряженности. При этом Иноземцев чувствовал действительно хорошее к себе отношение со стороны Брежнева...»¹.

Таков, по свидетельству двух его внешнеполитических советников, был «ранний», или «здоровый» Брежнев. К этому можно лишь добавить, что в его внешнеполитическом активе было установление «особых отношений» с Францией (1966 г.) и историческое по своему значению примирение с ФРГ (1970 г.), что открыло путь к разрядке на Европейском континенте. Особое значение для закрепления мировой стратегической стабильности и снижения уровня военного противостояния имело начало плодотворного диалога с США, материализовавшегося в Договоре ОСВ-1 (1972 г.). Все это было достигнуто при непосредственном и заинтересованном участии Леонида Брежнева.

А вот что пишет о «позднем», «полуживом», как он его называет, Брежневе Михаил Горбачев, наблюдавший его на заседаниях Политбюро:

«Он менялся на глазах. Раньше был не только более энергичным, но и более демократичным, не чуждался нормальных человеческих отношений.

¹Запись беседы с М.М. Максимовой 9 января 2002 г.

Поощрял обсуждения, случались даже дискуссии на заседаниях Политбюро и Секретариата. Теперь ситуация изменилась коренным образом. О дискуссиях, уж тем более о какой-либо самокритичности с его стороны не могло быть и речи. <...>

Помню, как на одном из заседаний Политбюро председательствовавший (Брежнев. — П.Ч.) «вырубился», потерял смысловую нить обсуждения. Все сделали вид, что ничего не произошло. Хотя все это оставляло тяжкое впечатление»¹.

Горбачев вспоминает, как Константин Черненко, «правая рука» Брежнева, на заседаниях Политбюро «постоянно вскакивал с места, подбегал к Леониду Ильичу и начинал быстро перебирать бумаги:

— Это мы уже решили ... Это вам надо зачитать сейчас... А это мы сняли с обсуждения...

В общем, картина тягостная. Делалось все это открыто, без всякого стеснения. Мне было стыдно в такие минуты, и я иногда думал, что и другие переживают аналогичные чувства. Так или не так, но все сидели, как говорится, не моргнув глазом. <...>

В последние годы пребывания Брежнева на посту Политбюро пришло в немыслимое состояние, — продолжает Горбачев. — Некоторые заседания, дабы не утруждать Леонида Ильича, вообще продолжались 15–20 минут. То есть большие времени собирались, нежели работали. Черненко заранее договаривался о том, чтобы сразу же после постановки того или иного вопроса звучала реплика: «Все ясно!». Приглашенные, едва переступив порог, должны были разворачиваться вспять, а считалось, что вопрос рассматривался в Политбюро. <...>

Даже когда Брежнев чувствовал себя получше, ему трудно было следить за ходом дискуссии и подводить ее итоги. Поэтому при постановке крупных проблем он обычно брал слово первым и зачитывал подготовленный текст. После этого обсуждать что-либо считалось неприличным, и опять раздавалась реплика: «Согласимся с мнением Леонида Ильича... Надо принимать...». Брежнев сам иной раз добавлял, что в проекте упущены такие-то моменты, надо, мол, усилить тот или иной акцент. Все дружно и радостно соглашались, обсуждение на том заканчивалось»².

Удивительно, но болезненное состояние Брежнева, резко ограничившее его реальное участие в ежедневном руководстве партией и страной, не мешало ему внимательно следить за своими соратниками по Политбюро, выявлять среди них соперников, т.е. реальных или воображаемых претендентов на место, и умело выводить их из игры, отправляя «на заслуженный отдых». Жажда власти оставалась единственной страстью угасавшего на

¹ Горбачев Михаил. Жизнь и реформы. Книга 1. М., 1995. С. 182–183.

² Там же. С. 217.

глазах Брежнева, потерявшего интерес ко всему, кроме разве что наград и подарков¹.

Он последовательно и умело устранял всех, в ком подозревал соперника. В 1976 г., как уже говорилось, Брежнев окончательно избавился от «железного Шурика», который в 1964 г. помог ему устранить Хрущева². Тогда же он отправил послом в Японию заподозренного им в нелояльности Дмитрия Полянского, другого ветерана Политбюро, считавшегося разве что не другом Леонида Ильича.

Когда Николай Подгорный, председатель Президиума Верховного Совета СССР, как свидетельствует Е. Чазов, неосторожно начал проявлять повышенный интерес к состоянию здоровья Брежнева, тот, воспользовавшись удобным случаем, избавился и от него. Летом 1977 г. завершалась подготовка новой, «брежневской» Конституции, которая должна была прийти на смену «сталинской», 1936 г. В проект Конституции была включена статья 6-я, провозглашавшая КПСС «ядром политической системы» СССР³. Брежнев резонно посчитал, что именно он, а не Подгорный должен отныне быть главой советского государства, совместив в одних руках руководство партией и государством. 16 июня 1977 г. Леонид Ильич Брежнев единогласно был избран Председателем Президиума ВС СССР, а Подгорный пополнил ряды «персональных пенсионеров союзного значения».

В ноябре 1978 г. на пенсию был отправлен Кирилл Мазуров, член Политбюро с 1965 г. и одновременно — Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Преемником Мазурова в СМ СССР Брежнев назначил своего давнего приятеля Н.А. Тихонова, которому поручил приглядывать за главой правительства А.Н. Косыгиным.

Брежнев всегда недолюбливал Косыгина, ревниво относился к его популярности в обществе, но вынужден был терпеть долгих шестнадцать лет. Именно Брежнев приложил руку к тому, чтобы была свернута «косыгинская» хозяйственная реформа середины 60-х годов. Воспользовавшись ухудшением здоровья Косыгина⁴, Брежнев в октябре 1980 г. спровадил его в отставку, а на

¹ *«Иноземцев рассказывал, — вспоминает М.М. Максимова, — что на даче в Завидово у Брежнева был большой письменный стол. Он любил иной раз выдвигать ящик стола, где хранились всевозможные подношения, которые он получал — часы, перстни, запонки. Брежнев с явным удовольствием все это перебирал и гордо демонстрировал своему гостю, комментируя каждую вещицу: «Вот видишь, ты не думай, что это пустая побрякушка. Этот перстень мне подарил товарищ Алиев». Брежнев очень любил демонстрировать свои сокровища» (запись беседы с М.М. Максимовой).*

² Выведенного из Политбюро А.Н. Шелепина, бывшего «второго человека» в партии, дополнительно унизили назначением на должность заместителя председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию. На этом посту Шелепин проработал до выхода на пенсию в 1984 г.

³ Новая Конституция СССР, формально закрепившая руководящую роль КПСС в советской политической системе, была принята 7 октября 1977 г. на 7-й внеочередной сессии ВС СССР.

⁴ В 1976 г. А.Н. Косыгин перенес микроинсульт, а три года спустя у него случился инфаркт.

пост Председателя СМ СССР провел верного себе Тихонова, который постарался похоронить последние реформаторские начинания Алексея Николаевича и его заместителя В.Н. Новикова, связанные с попытками оздоровить тяжело больную советскую экономику¹.

Тогда же, в октябре 1980 г., в автомобильной катастрофе погиб кандидат в члены Политбюро, Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Машеров, пользовавшийся широкой популярностью далеко за пределами своей республики. Он отличался сильным, независимым характером и уже поэтому мог вызывать подозрения у Брежнева и его окружения. Эти подозрения подогревались ходившими в обществе и в партии разговорами о более высоком призвании «хозяина Белоруссии», достойного занять место Генерального секретаря ЦК КПСС. Так или иначе, но гибель Машерова, в случайность которой многие так и не поверили, должна была избавить Брежнева от дополнительной головной боли.

В течение второй половины 70-х годов безнадежно больному Брежневу удалось избавиться от всех возможных (и воображаемых) претендентов на занимаемое им место, расставив на ключевых постах в партии и государстве преданных ему людей². В этом отношении он наконец-то почувствовал себя в полной безопасности и мог позволить себе расслабиться.

Уверенность Брежнева в прочности своего положения была вполне обоснованной. Провозглашенный им еще в октябре 1964 г. курс на «кадровую стабильность», т.е. фактическую несменяемость партийно-государственной номенклатуры, обеспечил ему безусловную поддержку секретарей крайкомов, обкомов и республиканских партийных организаций, составлявших костяк Центрального комитета. Устраняя время от времени своих возможных конкурентов из Политбюро, Брежнев лишь в очень редких случаях менял министров и «первых лиц» на местах. Стоит ли удивляться, что при всей очевидной недееспособности центральная и местная бюрократия, руководствуясь исключительно своими корыстными интересами, желала по возможности дольше продлить брежневское «царствование», оправдывая это «высшими интересами партии и государства».

Именно в этом направлении, как свидетельствует Михаил Горбачев, наставлял его Юрий Андропов. Когда Горбачев в 1978 г. из Ставрополя перебрался в Москву в качестве новоиспеченного секретаря ЦК КПСС и стал регулярно присутствовать на заседаниях Секретариата и Политбюро, он был поражен немощью Брежнева, только что не засыпавшего на заседаниях. Горбачев поде-

¹ След за А.Н. Косыгиным в отставку был отправлен и В.Н. Новиков.

² Особым влиянием в брежневском руководстве пользовались его давние друзья — Д.Ф. Устинов, сменивший в 1976 г. на посту министра обороны и члена Политбюро умершего маршала А.А. Гречко, и К.У. Черненко — начальник канцелярии Брежнева, ставший в 1978 г. членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС. Полную лояльность по отношению к генсеку демонстрировали и три других наиболее влиятельных члена Политбюро — М.А. Сулов, Ю.В. Андропов и А.А. Громыко. Именно эта пятерка — Сулов, Устинов, Черненко, Андропов и Громыко — задавала тон в Политбюро, определяя наиболее важные государственные решения.

лился этим озадачившим его «открытием» с благоволившим к нему Андроповым. *«Знаешь, Михаил... — поучительно сказал Андропов Горбачеву, — надо делать все, чтобы и в этом положении поддержать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности»*¹.

*«Не только он, думаю, большинство членов Политбюро не хотели ухода Брежнева, — вспоминает по этому поводу М.С. Горбачев. — Слабеющий генсек вполне устраивал первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК республик, устраивал он и премьер-министров, министров, ибо они становились полными хозяевами в своих епархиях»*².

Концентрация высшей власти в немощных руках страдавшего мозговым атеросклерозом Брежнева, окруженного не менее большими и столь же великовозрастными соратниками, неизбежно должна была отразиться на положении дел в самом Советском Союзе, а также в его внешней и оборонной политике. По единодушному мнению тех, кто был посвящен в тайны кремлевской политической «кухни» конца 70-х — начала 80-х годов, болезнь Брежнева стала одним из важнейших факторов, определявших внутреннюю и внешнюю политику СССР. *«Сложилась ситуация, — отмечает Г.А. Арбатов, — когда нормальное руководство страной — нормальное даже по самым либеральным критериям, учитывающим более чем скромные возможности Брежнева как руководителя, — уже было невозможным, а опасность серьезных ошибок в политике возросла. И эти ошибки не заставили себя ждать. <...> Главные из них были связаны с ... излишней заидеологизированностью внешней политики, а также с чрезмерным упором на военный фактор в деле обеспечения безопасности, что вело к выходу из-под политического контроля военной политики и оборонных программ»*³.

В середине 70-х годов возникли серьезные проблемы в советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений. В значительной степени они были порождены ничем не оправданным наращиванием ракетно-ядерного потенциала СССР, добившегося превосходства над США по числу носителей, мегатоннажу и забрасываемому весу стратегического оружия, а также по оружию средней дальности. Разумеется, подобные усилия советского ВПК не составляли секрета для американской стороны, принявшей вызов. Примерный паритет стратегических ядерных сил между СССР и США, позволивший им в мае 1972 г. заключить договор ОСВ-1, был поставлен под угрозу, как и весь переговорный процесс в области ограничения стратегических вооружений.

Потребуется семь лет напряженных усилий дипломатов и военных экспертов двух стран, прежде чем 18 июня 1979 г. Л. Брежнев и Дж. Картер подпишут в Вене договор ОСВ-2. Однако этот договор так и не будет ратифицирован Конгрессом США⁴.

¹ Горбачев Михаил. Указ. соч. С. 182.

² Там же.

³ Арбатов Георгий. Указ. соч. С. 282–283.

⁴ Обязательства по договору ОСВ-2 будут выполняться вашингтонской администрацией на «добровольной» основе.

В 1976 г. СССР начал осуществлять ускоренную модернизацию своих ядерных сил в Европе, заменяя устаревшие ракеты РСД-4 и РСД-5 (по натовской классификации — СС-4 и СС-5) на новые РСД-20, более известные как СС-20. Это вызвало серьезную озабоченность в Европе, которая еще не успела забыть, что годом ранее — 1 августа 1975 г. — Леонид Брежнев поставил свою подпись под хельсинкским Заключительным актом СБСЕ, провозгласившим необходимость снижения высокого уровня военного противостояния на Европейском континенте путем сокращения вооруженных сил и вооружений в этом районе.

В ответ на попытку СССР изменить в свою пользу военный баланс в Европе в НАТО началось обсуждение возможности ядерного довооружения путем размещения на континенте новых американских ракет «Першинг-2» и «Томагавк». Предварительное решение по этому вопросу было принято на сессии НАТО в мае 1978 г., после чего американская сторона предприняла попытку «образумить» советское руководство, убедить его не пытаться сломать существующий военный баланс в Европе.

Вот что вспоминает по этому поводу Георгий Маркович Корниенко, тогдашний 1-й заместитель министра иностранных дел СССР:

«Запад подавал нам соответствующие сигналы: пусть СССР «раскроет карты», из которых было бы видно, что он не станет развертывать ракет СС-20 больше (в пересчете на боеголовки), чем было ракет СС-4 и СС-5, а еще лучше — ограничится несколько меньшим их числом с учетом более высоких качественных характеристик. Тогда озабоченность западноевропейцев, как и вопрос о размещении новых американских ракет в Европе, будет снята»¹.

Обнадеживающие переговоры по этому вопросу летом 1979 г. провели А.Н. Косыгин и канцлер ФРГ Г. Шмидт, однако возможность достижения взаимоприемлемого компромисса была сорвана грубым вмешательством маршала Дмитрия Устинова, представлявшего в Политбюро интересы всемогущего советского ВПК. Именно он, по свидетельству Г.М. Корниенко, добился того, что Политбюро по существу дезавуировало предварительную договоренность Косыгина со Шмидтом². Роль Устинова в этом деле не была секретом для западной стороны, что засвидетельствовал в своих воспоминаниях Гельмут Шмидт: *«В московском Политбюро министр обороны докладывал: зачем вести переговоры? Ведь у нас ракеты, а у них — ничего. Так чем же они могут заплатить?»³.*

Ответом на жесткую позицию СССР стало принятое в декабре 1979 г. решение сессии НАТО о размещении в Европе 108 ракет «Першинг-2» и 464 крылатых ракет «Томагавк». Эти ракеты были способны в короткие сроки поражать цели на территории СССР. В условиях развернутого стараниями советской

¹ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 241.

² Там же. С. 241–242.

³ Шмидт Гельмут. На благо Германии. М., 1995. С. 74.

внешнеполитической пропаганды широкого антивоенного движения в Европе против размещения там американских ракет руководство НАТО вынуждено было публично зарезервировать для себя возможность возобновления переговоров с СССР по вопросу «евроракет».

Тем не менее недвусмысленно выраженное намерение европейских участников НАТО разместить «Першинги» и «Томагавки» на своей территории встревожило советское руководство, и прежде всего самого Брежнева, который, справедливо считая себя «отцом разрядки», искренне переживал начавшееся разрушение своего детища. Брежнева одинаково огорчали и «ракетный кризис» в Европе, и срыв владивостокских договоренностей с Фордом после смены администрации в Вашингтоне, где, с одной стороны, изменились внешнеполитические приоритеты, а с другой — не намеревались мириться с откровенными нарушениями Советским Союзом договоренностей по ОСВ-1. Но Брежнев был серьезно болен и по этой причине не мог противостоять давлению своих воинственно настроенных соратников, в первую очередь Дмитрия Устинова¹. И все же ему хватило сил и здравого смысла настоять в Политбюро на необходимости ввести в 1980 г. мораторий на размещение ракет СС-20 и продолжить консультации с НАТО. Пройдут годы, прежде чем на основе т.н. «двойного нуля» «ракетный кризис» в Европе будет преодолен.

Непомерное наращивание Советским Союзом военных усилий сопровождалось на протяжении 70-х годов расширением его экспансии в Третьем мире, борьба за который составляла «второй фронт» в геополитическом противостоянии Востока и Запада.

В 1981 г. СССР оказывал экономическую и техническую помощь 69 социалистическим и развивающимся странам. Возрастающую роль в этой помощи играли поставки вооружений в страны Третьего мира. В 1955—1968 гг. они оценивались в 4,5 млрд. долларов, в 1966—1975 гг. — в 9,2 млрд., а в 1978—1982 гг. — уже 35,4 млрд.²

Когда в 1974 г. рухнула последняя колониальная империя — португальская, — СССР активно поддержал военное вмешательство Кубы в Анголе и Мозамбике, а также в Центральной Америке (Гренада, Никарагуа, Сальвадор). Щедрая военнотехническая помощь из СССР направлялась в Эфиопию, Сомали, Йемен, в ряд государств Тропической Африки, где были зафиксированы проявления антизападных настроений.

А в декабре 1979 г. Политбюро ЦК КПСС, преодолев мучительные сомнения, приняло роковое решение об оказании «интернациональной помощи» Афганистану³, куда были введены передовые части 40-й армии, обеспечившие

¹ См. об этом: *Арбатов Георгий*. Указ. соч. С. 299–230.

² См. *Шубин Александр*. Истоки Перестройки. 1978–1984 гг. Т.1. М., 1997. С. 8–9.

³ Руководство прокоммунистической Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), совершившей т.н. «Апрельскую революцию 1978 г.», сознавая неустойчивость установленного в стране режима, неоднократно обращалось в Москву с призывами о непосредственной военной помощи в борьбе с «контрреволюцией». Только в 1979 г. в Москве получили 19 таких обращений. И лишь в декабре 1979 г. кремлевские старцы решились на этот шаг, безусловно, уско-

свержение диктаторского режима Хафизуллы Амина и утверждение у власти московского ставленника Бабрака Кармалы. Как установили Р.Г. Пихоя и генерал Д.А. Волкогон, разбиравшие в 1992 г. секретный архив Политбюро, инициатива принятия решения о военной интервенции в Афганистан принадлежала Д.Ф. Устинову, Ю.В. Андропову и А.А. Громыко. Остальные члены Политбюро, включая самого Брежнева, 12 декабря 1979 г. согласились с этим предложением¹.

Спустя две недели советские войска вошли в Афганистан. После того как 27 декабря спецподразделения КГБ и ГРУ захватили дворец Амина в Кабуле, а сам диктатор был убит в перестрелке, на смену ему пришел Бабрак Кармаль, которого со временем сменит другой просоветский ставленник — Наджибулла.

Советская военная интервенция в Афганистане стала настоящим подарком для США, которые с трудом скрывали свою заинтересованность в том, чтобы СССР поглубже увяз в этой обременительной и бесперспективной войне². Разумеется, Вашингтон демонстрировал «искреннее возмущение» агрессивной акцией СССР в Афганистане, что, впрочем, не помешало США в октябре 1983 г. осуществить аналогичное вооруженное вторжение на Гренаду и свергнуть негодное им «народно-революционное» правительство Мориса Бишопа, который тогда же был убит³.

ренный убийством Амином 8 октября лидера НДПА Нур Мухаммеда Тараки, которого Брежнев называл своим другом. В это же время Андропов проинформировал своих коллег по Политбюро, что КГБ якобы получены сведения о переориентации Амина на США. В этом отношении более чем странным выглядели продолжавшиеся просьбы «продавшегося американцам» Амина к руководству СССР о введении советских войск в Афганистан. Именно обращение Амина об оказании его режиму «интернациональной помощи» послужило «правовой» основой для советской военной интервенции в Афганистане. Подлинной же причиной этого вмешательства, скорее всего, можно считать порожденный в Политбюро информацией (или дезинформацией?) Андропова страх «потерять Афганистан», как перед этим были «потеряны» Египет и Сомали. В СССР, безусловно, были встревожены и тем, что осенью 1979 г. в обстановке разгоравшегося ирано-американского конфликта, США ввели свои боевые корабли в Персидский залив.

¹ Одновременно Д.Ф. Устинову, Ю.А. Андропову и А.А. Громыко было поручено решать все текущие вопросы, связанные с военной операцией в Афганистане. См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. Новосибирск, 2000. С. 349–350.

² Вопреки первоначальным расчетам, война в Афганистане приняла затяжной характер, что требовало постоянного наращивания там советского военного присутствия. Уже к концу 1980 г. численность «ограниченного контингента» в Афганистане достигла 100 тыс. человек. Как известно, война там продолжалась без малого десять лет. Через Афганистан прошло 620 тыс. советских военнослужащих. Более 100 тысяч вернулись оттуда больными гепатитом. Война унесла жизни 14 453 человек // *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 358.

³ Одновременно США расширили помощь поддерживаемым им режимам в Центральной и Южной Америке, стремясь не допустить распространения в своей «заповедной зоне» влияния сандинистской революции в Никарагуа (июль 1979 г.).

США инициировали принятие 14 января 1980 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, осуждающей советскую военную акцию в Афганистане. Под нажимом президента США Джими Картера 57 государств в знак протеста против вторжения советских войск в Афганистан бойкотировали XXII летние Олимпийские игры в Москве, проходившие с 19 июля по 3 августа 1980 г. Одновременно Картер отложил ратификацию договора ОСВ-2 и объявил о свертывании программ научного и культурного сотрудничества с СССР. Примеру США последовали некоторые государства Западной Европы, в частности Франция. Всеобщее возмущение на Западе вызвала ссылка 22 января 1980 г. академика Андрея Дмитриевича Сахарова¹ в закрытый для посещения иностранцами г. Горький (Нижегород). Известный ученый и правозащитник поплатился за то, что направил Л.И. Брежневу открытое письмо с осуждением советской интервенции в Афганистане.

Сменивший Дж. Картера в конце 1980 г. президент США Рональд Рейган обвинил Советский Союз в новом преступлении — в причастности к политическому кризису в Польше, правительство которой под давлением Москвы развернуло ожесточенную борьбу со стихийно возникшими независимыми профсоюзами (объединение «Солидарность»), а по существу с рабочим и студенческим движением, бросившим смелый вызов коммунистическому режиму. 13 декабря 1981 г. в Польше было введено военное положение. В Вашингтоне усмотрели в этом «руку Москвы»², хотя наиболее трезвые наблюдатели на

¹ Еще в 1978 г. глава КГБ Юрий Андропов назвал академика Сахарова «врагом номер один» внутри страны.

² Эти предположения были вполне обоснованными. Вопрос о необходимости введения военного положения в Польше, как свидетельствуют рассекреченные партийные архивы, обсуждался в Политбюро ЦК КПСС еще в апреле 1981 г. Поскольку тогдашний 1-й секретарь ЦК ПОРП Станислав Кania вызывал растущее раздражение в Москве своей «слабостью» и постоянными уступками «Солидарности», в октябре 1981 г. он был смещен и заменен генералом Войцехом Ярузельским, который в декабре того же года фактически возложил на себя функции военного диктатора. Он получил заверения от Москвы о невмешательстве при одновременном предоставлении Польше широкой помощи для преодоления острого экономического кризиса. В срочном порядке в Польшу было направлено 30 тыс. т мяса, изъятого из собственных государственных резервов. Значительно расширены были поставки энергоносителей — нефти и газа, разумеется, по символическим ценам. Советское руководство, отягощенное афганской проблемой, полностью поддержало действия Ярузельского, который помог СССР избежать непосредственного втягивания в польский кризис, что было чревато непредсказуемыми последствиями. «Нам нужно твердо придерживаться своей линии — наши войска в Польшу не вводить», — заявлял Андропов на заседании Политбюро еще 29 октября. Главу КГБ поддержал в этом другой «ястреб», маршал Устинов: «Вообще надо сказать, — авторитетно заявил он, — что наши войска вводить в Польшу нельзя. Они, поляки, не готовы принять наши войска». Ярузельский с самого начала добился от Москвы права на самостоятельные действия. Невероятно, но факт (об этом свидетельствуют архивы Политбюро): еще 10 декабря в Москве не знали не только о сроках осуществления «операции X», но и том, будет ли вообще введено военное положение // См.: Пихоя Р.Г. Указ соч. С. 364–366.

Западе оценили этот шаг генерала В. Ярузельского как отчаянную попытку предотвратить казавшуюся неизбежной советскую военную интервенцию в Польшу, как это уже было в Венгрии в 1956-м и в Чехословакии в 1968 г.

Тем не менее 31 декабря 1981 г. президент Рейган объявил о введении экономических санкций в отношении СССР (приостановка переговоров о продаже зерна, эмбарго на поставки в Советский Союз высокотехнологичного оборудования, в частности, для Транссибирского газопровода). *«Словом, к 1982 году... наша внешняя политика пришла с весьма неутешительными результатами, — с сожалением констатировал академик Георгий Арбатов, один из советников Брежнева. — Мы, по существу, вернулись к разбитому корыту. Снова бушевала «холодная война», гонка вооружений достигла невиданной интенсивности. Это было очень тяжелым поражением и для США, и для нас, и для всего мирового сообщества»*¹. Можно добавить, что это было и тяжелым личным поражением Брежнева, который, несмотря на свое болезненное состояние, не мог этого не понимать.

Крах политики разрядки в сочетании с новым витком крайне дорогостоящей гонки вооружений имел тяжелые последствия для Советского Союза, экономика которого и без того тяжело страдала от запущенного «бюрократического атеросклероза». По существу, в возобновившейся с конца 70-х годов гонке вооружений победителем мог быть только тот, чей экономический потенциал окажется более высоким и эффективным. В этой гонке США рассчитывали не только переиграть СССР, но и обескровить его экономически.

Эти расчеты, как оказалось, были обоснованными. Безвольно идя на поводу интересов своего военно-промышленного комплекса, постоянно требовавшего все новых финансовых вливаний, престарелое руководство КПСС своим бездействием довело «до ручки» экономику страны. Свернув в конце 60-х годов экономическую реформу А.Н. Косыгина, отказавшись от использования экономических рычагов управления, брежневское Политбюро вернулось к привычным командным методам. Кремлевские старцы остались глухи к призывам экспертов (в частности, из ИМЭМО) о необходимости безотлагательно заняться вопросами научно-технического переоснащения советской промышленности. Намечавшийся с начала 70-х годов пленум ЦК КПСС по вопросам научно-технического прогресса, настойчиво предлагавшийся Н.Н. Иноземцевым и другими авторитетными советниками Брежнева, из года в год откладывался стараниями косной партбюрократии. Он так и не был проведен.

Единственный, кто пытался в брежневском Политбюро хоть что-то предпринять в направлении модернизации буксовавшей советской экономики, был все тот же Косыгин. По его инициативе под руководством академика В.А. Кириллина группой экспертов, в том числе из ИМЭМО, в 1979 г. был подготовлен аналитический доклад о состоянии и перспективах советской экономики. Представленный в Политбюро доклад вызвал там резкое неприятие из-за нарисованной в нем безрадостной картины состояния советской экономики. В докладе прогнозировалось дальнейшее неизбежное нарастание

¹Арбатов Георгий. Указ соч. С. 304.

финансово-экономических проблем, указывалось на опасное отставание страны в использовании передовых технологий. Единственный выход, по убеждению составителей доклада, — безотлагательное и радикальное структурное реформирование советской экономики. Начать это, как и в середине 60-х годов, предлагалось с реформы в промышленности.

Политбюро отклонило представленный документ, признав его неудовлетворительным. Доклад был списан в секретный архив Политбюро. Вскоре после этого заместитель Председателя Совета Министров СССР академик В.А. Кириллин был снят со своего поста. Год спустя в отставку были отправлены сам А.Н. Косыгин, а заодно и другой его заместитель — В.Н. Новиков.

О неудачной попытке второй реформы Косыгина вспоминает Николай Иванович Рыжков, в 1979—1982 гг. — Первый заместитель Председателя Госплана СССР, ставший в 1982 г. секретарем ЦК КПСС по промышленности:

«Вторая попытка оздоровить экономику была предпринята в 1979 году, опять же при Косыгине.... К сожалению, эта попытка так и осталась только попыткой, ибо ограничивалась лишь легкими, косметическими изменениями и не несла в себе радикальной новизны. Да и о какой радикальности можно было вести речь, — с горечью вспоминает Рыжков, — если официально ситуация в экономике признавалась «лучше некуда». Показуха достигла головокругительных высот, и главные лица страны находились в состоянии блаженнейшей эйфории. Так и приходилось экономистам диссидентствовать в своем кругу — в Госплане, в научных институтах...»¹.

Не менее мрачную картину рисует в своих воспоминаниях Михаил Горбачев, с 1978 г. отвечавший в ЦК за сельское хозяйство.

Когда из собранного в 1978 г. рекордного урожая зерновых — 237 млн. тонн — в результате его перевозки, «усушки и утруски» буквально «испарилось» 25 млн. тонн, в Политбюро, по свидетельству Горбачева, это никого не смутило. Более того, было заявлено, что близится достижение заветной цели — тонна зерна на душу населения.

Из воспоминаний М.С. Горбачева:

«Взаимоотношения города и деревни, судьба крестьянства, земля и люди на земле, сохранение природы — не давали мне покоя. Чем больше вникал я в них, тем больше возникало сомнений в разумности проводимой экономической политики.

Единая плановая система, опирающаяся на единую государственную собственность, вроде бы открывала гигантские возможности для учета реальных процессов в их взаимосвязи, рационального решения узловых проблем народного хозяйства. Теоретически так, но эта доктрина на практике давила инициативу. Сверхцентрализованная плановая система в огромной стране создавала сложнейшую многоступенчатую иерархию чиновников,

¹ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 46.

каждый из которых — по законам функционирования всех бюрократических систем — стремился извлечь какую-то выгоду из своего положения.

В руках центра в значительной мере концентрировалось все, что производилось в стране. Здесь же все распределялось. <...> Дать или не дать корма, удобрения, технику, стройматериалы зависело от тех, кто был у власти или просто причастен к принятию решений. И тут личные интересы, связи, кумовство нередко значили куда большие, чем справедливость или деловой расчет.

Почва для коррумпированности создавалась самая благодатная. Формы ее были весьма многообразны: чтобы ухватить кусок от общего пирога, в ход шли все средства. Помимо вульгарной взятки, подношений и подарков существовали и более «тонкие» — взаимная поддержка и мелкие личные услуги различного свойства, совместные пьянки под видом охоты или рыбалки»¹.

Нараставшие кризисные явления в сельском хозяйстве² вынуждали партийно-государственное руководство закупать продовольствие за рубежом³, на что уходили золотовалютные ресурсы страны. В результате золотой запас СССР к 1982 г. сократился более чем вдвое по сравнению с 1972 г. (с 1 243,7 до 576,0 тонн)⁴.

Несмотря на очевидную кризисную ситуацию, брежневское руководство — жертва сознательно фальсифицируемой статистики — пребывало в твердой уверенности, что дела в стране обстоят не так плохо, как утверждают пессимисты из Госплана и экономических институтов АН СССР. Эта уверенность имела под собой виртуальную, как бы мы сейчас сказали, основу — веру в спасительные и неисчерпаемые возможности открытых в 60-е годы на севере Западной Сибири новых нефтяных и газовых месторождений. В период с 1970 по 1980 г. добыча нефти в Западной Сибири выросла с 31 млн. до 312 млн. тонн, а добыча газа за этот же срок — с 9,5 млрд. до 156 млрд. кубометров⁵.

Построив в ударном темпе нефте- и газопроводы, советское руководство погнало на Запад топливо в постоянно возрастающих объемах, используя благоприятный момент, связанный с резким скачком цен на нефть и газ в результате энергетического кризиса середины 70-х годов. В обмен на получаемую за нефть и газ валюту на Западе закупились продукты питания и высокотехнологичное оборудование. Продукты, понятно, молниеносно съедались оголодавшим населением нескольких самых крупных городов (в глубинку они не доходили), а значительная часть закупленного оборудования ржавела на складах, а то и под открытым небом. По всей огромной стране продолжали множиться объекты незавершенного строительства, являвшие собой памятники царившей бесхо-

¹ Горбачев Михаил. Указ. соч. С. 183, 185–186.

² Последовавшие за 1978 годом несколько лет были неурожайными, что резко обострило продовольственную ситуацию в СССР.

³ Если в 1973 г. за рубежом было закуплено 13,2% зерна от его производства в СССР, то в 1981 г. уже 41,4% // Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 333.

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Там же.

зайственности и расточительности. Советская экономика, «свешая на иглу» нефтедолларов, уграчивала последние стимулы для нормального развития.

Этим не преминул воспользоваться главный соперник СССР в борьбе за мировое господство. США с успехом сумели использовать грубые просчеты брежневского руководства, позволившего навязать Советскому Союзу новый раунд гонки вооружений. Вашингтон сделал все возможное для того, чтобы на рубеже 70—80-х годов сбить мировые цены на энергоносители, резко сократив тем самым валютные поступления в бюджет СССР, что, с одной стороны, поставило под угрозу реализацию его новых дорогостоящих военных программ, а с другой — до предела обострило в стране экономическую ситуацию. То, что вскоре назовут «брежневским застоєм», вступало в завершающую стадию, за которой просматривалась перспектива летального исхода для всей советской экономической и политической системы.

«Важнейшим обстоятельством, которое ускорило кризис социальной системы СССР, стал геополитический кризис, в котором очутилась страна, — справедливо отмечает современный российский историк А.В. Шубин. — Несмотря на то, что внутренняя структура СССР была уникальной и тщательно оберегалась от воздействий извне, Советский Союз был теснейшим образом взаимосвязан с мировым развитием, встроен в систему международной торговли, оказывал мощное воздействие на развитие мира, являясь одной из двух сверхдержав, поддерживающих самым фактом своего существования геополитический баланс. Однако большая гибкость общественного устройства стран Запада позволила им в середине XX века набрать более высокие темпы общественного развития. СССР все быстрее отставал от своих конкурентов, но продолжал военно-техническое соревнование с ними. В 70-е годы СССР еще мог поддерживать военно-технический паритет с НАТО. В конце 70-х годов ситуация стала меняться в худшую для Советского Союза сторону.

Внешнеполитические сложности, с которыми столкнулся Советский Союз в 70-е годы, легли тяжелым грузом на ослабленную кризисом внутреннюю структуру общества, и конструкция стала расходиться по швам»¹.

Достоверную картину повседневной жизни в СССР начала 80-х годов воссоздает в своей книге видный историк Рудольф Германович Пихоя, бывший руководитель Федеральной архивной службы России. «Начало 80-х стало временем кризиса. Это не было ученым рассуждением экономистов: очевидные следы кризиса были заметны любому гражданину страны, — пишет он. — СССР вляпался в афганскую войну, по городам и селам рассказывали страшные истории об афганских басмачах, которые убивают наших солдатиков. Телевидение рассказывало об «интернациональной помощи», а в страну пошли похоронки. В магазинах пропадали товары. Их не покупали, а «доставали». Товары стали «дефицитом». Доставали обувь и торты, рубашки и книги, автомобили и стиральный порошок, телевизоры и лекарства. Мечтали достать импортные магнитофоны и презервативы. Одни доставали на «барахолках», расплотившихся по всем городам страны вещевых рынках, переплачивая за дефицит вдвое против

¹ Шубин Александр. Указ. соч. Т.1. С. 4.

установленной государством цены, другие — через «знакомых» в магазинах. Во многих городах были введены талоны на покупку мяса, масла. Лучше было тем, кто имел право заказывать товары в магазинах. Учреждения и организации — от заводских профкомов до учреждений науки и культуры — направляли письма-заявки в «торги» — государственные предприятия, распределявшие товары по магазинам. В письмах просили «в порядке шефской помощи разрешить приобрести товары повышенного спроса для ветеранов войны и труда, работающих на нашем предприятии». А лучше всего было тем, кто имел право «отовариваться» в закрытых распределителях, в специальной секции ГУМа. К этой категории относились партийные и государственные чиновники высокого ранга.

Тогда, когда торговля была заменена распределением, неизбежно возникали нарушения. Возникла проблема разных денег. Точнее, деньги-то были одинаковыми, но рядовой гражданин мог купить на них много меньше, чем чиновник, рядовой чиновник — много меньше своего партийного коллеги, и все дружно завидовали тем, кому товары доставляют на служебных черных «Волгах», и тихо ненавидели их. Часть «товаров для ветеранов» из магазинов уходила на «черный рынок», вдвое, втридорога перепродавалась на барахолках. «Теневая экономика» стала реальностью, к которой были причастны широкие слои населения»¹.

Нелицеприятный приговор «брежневщине» выносит и один из младших соратников Леонида Ильича — Михаил Горбачев.

«В политическом плане брежневщина не что иное, — пишет «отец» Перестройки, — как консервативная реакция на предпринятую Хрущевым попытку реформирования существовавшей тогда в стране авторитарной модели. <...> Но главное, что определяет оценку брежневизма в политической истории страны, — брежневское руководство оказалось несостоятельным перед лицом вызовов своего времени. Слепо придерживаясь старых догм и представлений, оно проглядело наступление глубоких перемен в науке и технике, условиях жизни и деятельности людей, стран и регионов, всего мирового сообщества, знаменующих зарождение новой цивилизации. Переменам в стране был поставлен прочный шлагбаум, она оказалась загнанной в тупик, обреченной на длительное отставание и глубокий общественный кризис»².

Друзья и недруги академика Н.Н. Иноземцева

Ну а что же просвещенные помощники и советники Генерального секретаря — Г.Э. Цуканов, А.М. Александров-Агентов³, Н.Н. Иноземцев, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, В.В. Загладин, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, Н.В. Шишлин,

¹ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 372–373.

² Горбачев Михаил. Указ соч. С. 220–221.

³ О степени просвещенности и прогрессивности этого бывшего дипломата, прослужившего помощником, помимо Брежнева, еще у трех генсеков — Андропова, Черненко и Горбачева, — существуют разные мнения среди тех, кто был посвящен в тайны «кремлевской кухни».

С.А. Ситарян и другие? На рубеже 60—70-х годов они сыграли важную роль в том, чтобы склонить Брежнева во внешней политике на путь разрядки с Западом, а во внутренней — смягчить пагубное влияние неосталинистов, требовавших ужесточения режима. Да и позднее им в отдельных случаях удавалось корректировать негативные тенденции во внешнеполитическом курсе СССР. И все же либералы не смогли переломить эти тенденции, способствовавшие краху разрядки на исходе 70-х годов. Следующий раунд «борьбы за душу» Брежнева остался за их противниками.

По всей видимости, прав академик Г. Арбатов, усматривая одну из главных причин победы кремлевских «ястребов» в обострившейся болезни Брежнева. У больного генсека оставалось слишком мало сил, чтобы противостоять наседавшим на него военно-промышленным кругам, имевшим в Политбюро столь влиятельного представителя, как маршал Д.Ф. Устинов¹. В союзе с военными на Брежнева давило и идеологическое лобби, призывавшее к закручиванию гаек внутри страны и к всемерной поддержке, в том числе военной, — «мирового революционного движения». Среди идеологов-ретроградов были секретари ЦК КПСС — П.Н. Демичев и сменивший его М.В. Зимянин, близкий к Брежневу заведующий отделом науки и вузов ЦК С.П. Трапезников, заведующий отделом культуры В.Ф. Шауро, один из помощников генсека — В.А. Голиков и, разумеется, Агитпроп — отдел пропаганды и агитации ЦК. Влиятельное идеологическое лобби возглавлял самый авторитетный член Политбюро Михаил Суслов. С военными и «идеологами» смыкались шеф КГБ Юрий Андропов², а также такие консервативно настроенные члены Политбюро, как А.А. Громыко, Н.А. Тихонов и Первый секретарь МКК КПСС В.М. Гришин.

Им давно не нравилось возросшее влияние на Генерального секретаря либеральных советников из «группы Иноземцева»³, которые писали для него доклады и выступления, имевшие в советской политической системе статус директивных установок. Возраставшее недовольство вызывала у них и сама практика непосредственного общения составителей этих документов с генсе-

¹ «В последние годы пребывания у руководства Л.И. Брежнева на решения военных, по существу, некому было и жаловаться, — пишет Арбатов. — Отдельных руководителей Министерства обороны это совершенно испортило, разбаловало — они стали капризными, позволяли себе любую блажь» // *Арбатов Георгий*. Указ. соч. С. 299–301. Мнение Арбатова полностью разделяет Александр Бовин, другой советник Брежнева. См.: *Бовин А.Е.* Человек и его время // *Иноземцев Николай*. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М., 1995. С. 8.

² Г.А. Арбатов вспоминает, что когда в 1982 г. он обратился к Андропову с просьбой поддержать идею о создании в центре Европы «безъядерного коридора» вдоль линии, разделявшей войска НАТО и ОВД, тот буквально замахал на него руками: «Ты что, хочешь, чтобы я из-за тебя ссорился с Устиновым?» // *Арбатов Георгий*. — Указ. соч., С. 301.

³ Это название группы советников и экспертов (по фамилии ее руководителя), работавших на Генерального секретаря, возникло еще в начале 70-х годов. Его можно встретить и в воспоминаниях некоторых бывших членов высшего советского руководства, в частности М.С. Горбачева.

ком на его загородных дачах. Кто знает, что там «эти ревизионисты» внушают Леониду Ильичу?»¹

Борьба ревнителей устоев с «вредным влиянием» на Брежнева велась по разным направлениям. Не гнушались даже оговоров и компромата, с помощью которых иногда удавалось добиваться удаления «от двора» некоторых советников из числа либералов. Интригами и оговорами удалось ослабить влияние Г.Э. Цуканова, прогрессивно мыслившего помощника Генерального секретаря, опиравшегося на «группу Иноземцева».

С середины 70-х годов консерваторы из аппарата ЦК стали более активно и энергично вмешиваться в «творческий процесс» — в подготовку «высочайших» текстов — с нескрываемым намерением положить конец влиянию Иноземцева (и Арбатова) на Леонида Ильича. Отдел пропаганды настойчиво продвигал на роль «писателей» для Брежнева своих представителей, что не всегда приветствовалось самим генсеком, привыкшим работать только с хорошо знакомыми ему людьми².

Вадим Алексеевич Печенев³, бывший помощник К.У. Черненко, работавший до того в отделе пропаганды и агитации ЦК, вспоминает один такой случай, когда его и А.И. Лукьянова (тогда начальника Секретариата Президиума ВС СССР) в первых числах января 1981 г. вызвали в Завидово для участия в редактировании проекта отчетного доклада Брежнева на

¹ Надо признать, подобные опасения не были лишены оснований. Как вспоминает М.М. Максимова, вдова Н.Н. Иноземцева, именно на брежневской даче, во время совместной работы над очередным докладом, Иноземцев осторожно пытался склонить генсека к диалогу с академиком А.Д. Сахаровым. Он был убежден, что с Сахаровым можно договориться, что академик-правозащитник может снять какие-то вопросы, что в действительности он находится под сильным влиянием своей жены (Е. Боннэр), но что он человек разумный. Надо попытаться найти с ним контакт. Конфликт с Сахаровым, по мнению Иноземцева, во многом возник из-за того, что никто из представителей высшего руководства страны никогда с ним не говорил, не пытался его понять и переубедить. Все это было большой ошибкой. Иноземцев намекал Брежневу на необходимость принять Сахарова и поговорить с ним. «Или, может быть, кто-то по вашему поручению встретится с Сахаровым», — добавил Иноземцев. Но Брежнев каким-то образом ушел от этой темы. Это был частный разговор в неофициальной обстановке на даче Брежнева. Николай, вспоминает Максимова, пытался вернуться к разговору на тему Сахарова, но безуспешно (запись беседы с М.М. Максимовой).

² В.А. Медведев, работавший в 1971–1978 гг. заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, вспоминает, что когда его привлекли к работе по подготовке доклада Брежнева на XXV съезде партии (1976), то написанный им материал был передан для доработки в «группу Иноземцева». *«Все это, — пишет Медведев, — тщательно перемальвалось и переваривалось в предсъездовской кухне и приспособлялось к вкусу Брежнева главными спичмейкерами — Иноземцевым, Арбатовым, Александровым, Бовиным» // Медведев В. Прозрение, миф или предательство?*

К вопросу об идеологии перестройки. М., 1998. С. 52.

³ Некоторое время, а точнее с 29 апреля 1969 г. до 17 июня 1971 г. В.А. Печенев работал в ИМЭМО, затем был командирован в Прагу, в редакцию журнала «Проблемы мира и социализма», откуда в 1975 г. перешел на работу в ЦК КПСС.

XXVI съезде КПСС. На брежневской даче уже трудилась «группа Иноземцева», и появление здесь же Печенева и Лукьянова неприятно удивило Брежнева.

Из воспоминаний В.А. Печенева:

« — Леонид Ильич! — несколько суетливо заговорил Александров. — Вот еще два наших товарища, готовивших социальный раздел. Ну, Анатолия Ивановича вы хорошо знаете. А это — Вадим Алексеевич Печенев, руководитель Группы консультантов из Агитпропа...

Не знаю, хорошо ли Леонид Ильич знал Анатолия Ивановича, по его виду и выражению лица я этого как-то не заметил, но, глядя на нас, сумрачно и недовольно промолвил под ухмылки сидящего в хорошо отапливаемом Зимнем саду основного состава своей команды: «Надеюсь, Андрей, ты больше никого к нам не привезешь?»

— Нет, нет, Леонид Ильич, — с готовностью откликнулся Андрей Михайлович, — больше никого!

— Ну, хорошо, — обронил наш Ильич, — слава Богу...»¹.

О том, как составлялись «высочайшие» тексты, теперь хорошо известно из воспоминаний участников «завидовских посиделок» — Г.А. Арбатова, А.Е. Бовина, В.А. Печенева и др.

Еще со времен Ленина и Сталина время от времени практиковалась рассылка членам Политбюро проектов наиболее ответственных партийных документов (в том числе отчетных докладов и выступлений на съездах и пленумах) для замечаний, уточнений и дополнений. После смещения Хрущева и утверждения у власти «коллективного руководства» в октябре 1964 г. такой порядок стал обязательным. Создавая впечатление коллективности руководства, он вместе с тем давал возможность наиболее консервативным членам Политбюро «редактировать» те положения того или иного документа, которые представлялись им чрезмерно смелыми и тем более опасными. Иноземцев, Арбатов и другие спичрайтеры Брежнева постоянно сталкивались с попытками отдельных членов Политбюро не допустить «крамолы» в выступлениях генсека, который, по мнению ретроградов, излишне доверял своим советникам.

Из воспоминаний Маргариты Матвеевны Максимовой:

«Н.Н. Иноземцев был далек от иллюзий. С годами же все больше понимал тщетность многих своих усилий, связанных с попытками преодолеть косность, убогость, ограниченность представлений, с которыми жили, работали и правили государством на протяжении десятилетий наши руководители. Но по-другому он не мог.

¹ Печенев Вадим. Горбачев: к вершинам власти. Из теоретико-мемуарных размышлений. М., 1991. С. 29–30.

Помнится, придя домой после очередного редактирования (в который раз!) материалов к XXVI партсъезду, усталый и мрачный, он с горечью сказал: «Все, больше не могу, не могу!». В тот день Н.Н. Иноземцеву и его коллегам по рабочей группе вернули проекты доклада Генерального и резолюции съезда примерно следующего содержания: «А как этот тезис согласуется с положениями марксизма?» (М.А. Суслов); «Не отступаем ли мы здесь от социалистических принципов?» (А.А. Громыко); «Я бы посоветовал ближе к Ленину» (К.У. Черненко). Эти пометки-директивы — обязательны к исполнению. А до съезда остается два дня. Хорошо отработанный и понятный прием тогдашнего «коллективного» руководства: взамен предлагаемого варианта доклада съезду (поначалу в нем присутствовали и дух новаторства, и свежие мысли, и нестандартные подходы) — получить в итоге привычный, приглаженный, на «родном партийном языке» и такой «понятный народу» документ.

Реакция Николая Николаевича на этот раз была особенно острой. Когда же я посоветовала: «Да оставь ты эту каторжную работу, вернись в науку! Может быть, без вас, интеллектуалов, эта «старческая команда» скорее рухнет? Он решительно возразил: «Да пойми же, за страну обидно!»¹.

Сколь ни трудным в этих условиях было положение Иноземцева и его единомышленников из группы советников, они делали все возможное и даже невозможное. Как правило, в установленный срок (даже если для этого оставалась одна лишь ночь) требуемый документ представлялся в Инстанцию, хотя издержки и компромиссы были здесь неизбежны.

Круг вопросов, которыми занимался Иноземцев в качестве советника Брежнева, был достаточно широким, включая как внешнеполитические, так и внутриэкономические проблемы.

Особое беспокойство у него вызывала печальная судьба разрядки, похороненной обоюдными стараниями Москвы и Вашингтона. Смысл его усилий в этом направлении сводился к тому, чтобы убедить Брежнева не прерывать переговорный процесс с Вашингтонской администрацией, сколь бы неприятными ни казались в Москве позиции демократа-моралиста Джими Картера и сменившего его правого республиканца Рональда Рейгана. Брежнев удалось склонить к заключению в 1979 г. Договора ОСВ-2, хотя международная и внутренняя обстановка, казалось бы, не благоприятствовала этому новому шагу на пути обуздания гонки стратегических вооружений.

Когда с приходом в Белый дом в конце 1980 г. республиканской администрации Рейгана позиция США в отношении СССР резко ужесточилась, директор ИМЭМО пытался объяснить высшему руководству, что причины такого поворота многообразны. Иноземцев усматривал их не только в афганской

¹ Послесловие М. Максимовой к кн.: *Иноземцев Николай*. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. С. 313.

проблеме или в обострении политического кризиса в Польше¹, но и в сфере поддержания стратегического баланса между двумя сверхдержавами. При этом он опирался не только на собственные выводы, но и на соответствующие аналитические разработки своих сотрудников.

Одна из таких разработок была предоставлена ему Алексеем Арбатовым, тогда еще совсем молодым ученым, кандидатом наук, вернувшимся в середине декабря 1980 г. из двухмесячной научной командировки в США. В ходе этой поездки, совпавшей с президентскими выборами в США, Арбатов посетил 23 научных и университетских центра и провел встречи с 60 американскими экспертами в области внешней и оборонной политики, что позволило ему составить объективное представление о происходивших в Вашингтоне переменах.

Из аналитической записки А.Г. Арбатова:

«Как показали результаты выборов ноября 1980 г., в правящих кругах США и американской общественности произошел существенный сдвиг настроений вправо — в поддержку более консервативной внутренней политики и более агрессивной и жесткой внешней политики. <...>

В прошедшее десятилетие, особенно в первую его половину, происходило определенное снижение военного потенциала США не только в относительных, но и в абсолютных показателях. Между 1968 и 1976 годами военный бюджет США в постоянных ценах снизился на 35%. Причем, даже если сбросить экономию за счет прекращения войны во Вьетнаме, то бюджет 1976 г. на 13% ниже, чем в последний предвьетнамский 1964 год. Впервые в XX веке военный бюджет США после войны оказался меньше, чем до войны»².

А.Г. Арбатов обратил внимание на то, что, по убеждению правых республиканцев, администрации Форда и Картера не удалось переломить тенденцию к ослаблению военного потенциала США.

¹ «Нисколько не преувеличивая роль советников, тем не менее думаю, — говорит М.М. Максимова, — что Иноземцев, Арбатов, Богомолов и другие сыграли определенную роль в предотвращении нашего военного вмешательства в Польшу. Сознавая, чем это может для них кончиться, они писали откровенные записки с предостережениями относительно возможной реакции СССР на кризис в Польше. Предлагались варианты выхода из этого кризиса, но при этом военное решение оценивалось как наиболее нежелательное и чреватое серьезными осложнениями. Что касается Афганистана, то здесь все решалось очень быстро и в строжайшем секрете. К помощи советников здесь не прибегали. Все были поставлены перед свершившимся фактом» (запись беседы с М.М. Максимовой).

² Арбатов А.Г. Некоторые соображения относительно причин и перспектив происходящих перемен во внешней политике США // Справки, аналитические записки, обзоры по проблемам мировой экономики и политики за 1981 год. Отдел международных отношений. Т. 2. Архив ИМЭМО РАН.

«...В США, — подчеркивал автор записки, — глубоко укоренились представления о том, что в 70-е годы параллельно с сокращением военного бюджета и размеров вооруженных сил США шло планомерное наращивание военных расходов и сил Советского Союза. Считается, что эти тенденции пересеклись в начале 70-х годов, после чего военный баланс неуклонно изменялся в пользу СССР.

Общее мнение пришедших к власти в США кругов состоит в том, что в начале 80-х годов СССР будет якобы иметь существенные преимущества в стратегическом ракетно-ядерном балансе, превосходство в ядерных средствах на евроазиатском театре и в войсках общего назначения. Соответственно утверждается, что Советский Союз будто бы создал позицию превосходящей силы по отношению к главным союзникам США (Западная Европа и Япония), может-де эффективно прервать поставки нефти из Персидского залива, приобрел способность военного вмешательства в отдаленных кризисных районах (Африка, Юго-Восточная Азия, Центральная Америка). <...>

В соответствии с этим новое руководство США полагает, что имеется будто бы некое двойное отставание Соединенных Штатов в военном балансе»¹.

В записке А.Г. Арбатова содержался ряд рекомендаций для высшего советского руководства, имевших целью убедить его в необходимости «держать дверь открытой» для конструктивных предложений американской стороны.

Из записки А.Г. Арбатова:

«...не отвергать категорически требования о дополнительных ограничениях и сокращениях ракетно-ядерных сил СССР, а отвечать на них своими дополнительными запросами по ограничению вооружений США. Последнее, — писал А. Арбатов, — может быть особенно важно ввиду намечаемого в США рывка в наращивании военной мощи. <...>

Вероятно, не все военные программы, которые, видимо, форсирует и заложит новое правительство (США. — *П. Ч.*), требуют немедленных контрмероприятий. Обороноспособность СССР и военное равновесие имеют огромный «запас прочности», а многие новые проекты США, не найдя оправдания в действиях другой стороны, наверняка отомрут в силу чрезмерной стоимости и малой стратегической целесообразности»².

В ИМЭМО внимательно следили за развитием новейших тенденций во внешней и оборонной политике администрации Рейгана, своевременно обеспечивая директивные инстанции соответствующими рекомендациями³.

¹ Арбатов А.Г. Указ. соч. Архив ИМЭМО РАН.

² Там же.

³ Одна из разработок такого рода была представлена все тем же А.Г. Арбатовым, который обратил внимание руководства на ближайшие перспективы советско-американских отношений в области ограничения вооружений // Арбатов А.Г. О некоторых вероятных вопросах возобновления переговоров об ОСВ (Прогноз). 21 декабря 1981 г. Архив ИМЭМО РАН.

И все же, несмотря на усилия приверженцев продолжения разрядки переломить негативную тенденцию в советско-американских отношениях, сделать этого не удавалось. Не в последнюю очередь это было связано с усилением позиций «ястребов» в высшем руководстве СССР.

В стремлении переиграть США в гонке вооружений престарелые «ястребы» по давней привычке рассчитывали на помощь со стороны «мирового революционного движения», и в частности антизападного течения, зародившегося на рубеже 70—80-х годов в исламском мире. Определенные надежды советские партийные идеологи и военные круги связывали с исламской революцией 1979 г. в Иране, свергнувшей проамериканский шахский режим. Ирано-американский конфликт, сопровождавшийся захватом посольства США в Тегеране и неудачной попыткой освобождения в апреле 1980 г. 70 заложников, породил в Москве иллюзии в отношении исламских фундаменталистов, которых готовы были записать в потенциальные союзники в борьбе против «американского империализма», словно забыв, что именно с исламистами-талибами приходилось воевать в Афганистане советским войскам.

Отрезвляющие предостережения на этот счет последовали в ЦК КПСС опять же из ИМЭМО. В подготовленной доктором исторических наук Г.И. Мирским в 1981 г. записке «Проблемы исламской революции» подчеркивалась одинаковая враждебность исламского фундаментализма как капитализму, т.е. Западу, так и социализму, т.е. СССР. «*Их (исламистов. — П.Ч.) кредо, — писал в свое записке Мирский, — могло бы звучать, как у Шекспира: «Чума на оба ваши дома!»*. Нет никаких оснований, утверждал автор записки, усматривать в политике аятоллы Хомейни «*чуть не зародыш курса революционной демократии*», как пытались представить это некоторые советские пропагандисты¹.

Постоянной головной болью Н.Н. Иноземцева, как одного из советников Брежнева, была проблема ускорения научно-технического прогресса в СССР. Располагая обширной и достоверной информацией о бурном развитии НТР в передовых странах Запада, Иноземцев, начиная с 1971 г., при всяком удобном случае обращал внимание генсека и других членов Политбюро на растущее отставание СССР в освоении достижений научно-технического прогресса и необходимости принятия комплекса неотложных мер по изменению ситуации на этом стратегически важном направлении. Иноземцев делал все возможное, чтобы убедить генсека в необходимости поставить этот вопрос на специальном пленуме ЦК. Ему удалось включить в одну из речей Брежнева совершенно четкое указание на возрастающую роль научно-технического прогресса как одного из определяющих условий успешного экономического и в целом общественного развития СССР.

¹ Мирский Г. Проблемы исламской революции. Записка // Справки, аналитические записки, обзоры по проблемам мировой экономики и политики за 1981 год. Отдел экономики и политики развивающихся стран. Т. 2. Архив ИМЭМО РАН.

В начале 70-х годов началась даже подготовительная работа по созыву пленума. *«Несколько раз она, казалось бы, выходила на финишную прямую, но каждый раз пленум откладывался на неопределенное время, — вспоминает Вадим Андреевич Медведев, секретарь ЦК и член горбачевского Политбюро, а в 70-е годы замзав. отдела пропаганды и ректор Академии общественных наук (АОН). — Причина по моим наблюдениям в том, что надо было поднимать очень глубокие пласты экономики, принимать далеко идущие решения. Брежневскому руководству это было просто не под силу»*¹.

Продолжая добиваться созыва пленума и наживая себе тем самым новых недоброжелателей из среды партийных ретроградов, Иноземцев действовал и по другим каналам: он был одним из зачинателей разработки в системе АН СССР и ГКНТ Комплексной программы научно-технического прогресса, рассчитанной на 20 лет. Разумеется, ИМЭМО стал одним из главных ее разработчиков.

Академику Иноземцеву не довелось увидеть осуществления его замысла: пленум ЦК по вопросам ускорения научно-технического прогресса так и не был созван, а подготовленные Иноземцевым и его сотрудниками из ИМЭМО рабочие материалы были списаны в партийный архив.

Весной 1984 г. М.С. Горбачев, тогда еще член Политбюро и секретарь ЦК КПСС, попытался убедить своих коллег по руководству, и прежде всего тогдашнего генсека К.У. Черненко, в необходимости вернуться к этой идее. Была даже создана специальная группа по подготовке пленума.

«Мы познакомились с двумя вариантами доклада — Иноземцева и отдела машиностроения ЦК, с целым мешком всевозможных разработок десятилетней давности, извлеченных из архива, — вспоминает Горбачев. — Я подумал: Боже мой, сколько времени потеряно, а в этот период многие страны проделали огромный путь, обеспечивший им динамичное развитие в последующие годы.

*Но чем ближе мы были к Пленуму, тем острее я чувствовал стремление Черненко, Тихонова, Гришина, Громыко отложить его проведение — все они считали, что это будет усиливать мои позиции. Словом, были против Пленума и этого не скрывали»*².

В конечном счете «пожилые джентльмены», как называл брежневских соратников Дональд Маклэйн³, похоронили идею пленума. Частично она материализуется лишь в июне 1985 г., когда Горбачев, вставший у руля управления партией и страной, проведет в ЦК КПСС крупное совещание по вопросам ускорения научно-технического прогресса и выступит там с докладом «Коренной вопрос экономической политики партии». По всей видимости, в своем

¹ Медведев В. Указ соч. С. 82–83.

² Горбачев Михаил. Указ. соч. С. 261.

³ Участник знаменитой «кембриджской пятерки», работавший впоследствии в ИМЭМО, о чем уже говорилось.

докладе Горбачев в той или иной мере опирался и на давние разработки академика Н.Н. Иноземцева, дополненные новыми материалами, полученными им из ИМЭМО.

В своих воспоминаниях Михаил Горбачев говорит и об участии Иноземцева в период подготовки XXVI съезда в разработке основ Продовольственной программы.

Из воспоминаний М.С. Горбачева:

«На февраль 1981 года намечался созыв XXVI съезда КПСС. Работу над отчетным докладом Брежнева начали заблаговременно, и мне хотелось, чтобы в докладе было заявлено о необходимости общенациональной комплексной Продовольственной программы, обеспечивающей устойчивое снабжение населения продуктами питания. Если такое заявление Генеральный секретарь сделает на съезде, то чиновникам любого ранга «тянуть резину» и ставить палки в колеса будет уже куда труднее.

Я связался с группой Н.Н. Иноземцева, работавшей над докладом в Во-лынском-2, рядом с бывшей дачей Сталина. <...>

В его группе, которую курировал помощник Брежнева Цуканов, работали Арбатов и Бовин. Оказалось, впрочем, что аграрные проблемы и их допекли настолько, что к разговору были готовы буквально все.

Реализовал я, в частности, свое намерение сказать в докладе о разработке общенациональной комплексной Продовольственной программы. У меня это получилось на нескольких страницах. Арбатов сделал из них одну, и в таком виде она вошла в первоначальный текст.

Однако когда я получил уже смонтированный целиком проект доклада Брежнева, он весьма удивил меня. Бесконечные обкатки и согласования, которые приходилось делать его авторам, привели к тому, что текст стал безликим, выхолощенным, обтекаемым. Можно было лишь поражаться полному несоответствию затрат умственной энергии и масштаба авторских дарований со столь скудным «конечным продуктом».

Я сделал некоторые замечания по тексту доклада, а аграрный раздел изложил заново. Все то, к чему мы пришли в ходе дискуссий в группе Иноземцева, было восстановлено и использовано. Брежневу написал личную записку, в которой аргументировал необходимость такой структуры, объяснил мотивы переработки текста и просил поддержать данный вариант. В таком виде раздел и был принят»¹.

Когда еще при Брежневе Горбачев начал настойчиво продвигать идею агропромышленных комплексов (АПК), то и здесь он имел возможность опираться на соответствующие разработки Института Иноземцева, где с 60-х годов внимательно изучался зарубежный опыт повышения эффективности сельскохозяйственного производства, и в частности деятельность аграрно-

¹ Горбачев Михаил. Указ. соч. С. 199.

промышленного комплекса и аграрно-промышленных объединений (АПО) в США и Западной Европе¹.

Стремительное восхождение академика Н.Н. Иноземцева по ступеням научно-партийной иерархии (член ЦК КПСС, депутат ВС СССР, член Президиума АН СССР, один из ближайших советников Генерального секретаря), расширение его влияния на принятие важных государственных решений вызывало растущее беспокойство в консервативных кругах партийной бюрократии, видевшей в нем потенциального претендента на один из высоких постов в Центральном комитете. Для этих кругов не были секретом прогрессивные убеждения Иноземцева, и именно поэтому он расценивался ими как *persona non grata*.

На Иноземцева давно «имели зуб» близкие к Агитпропу ревнители устоев и прочие борцы за «чистоту марксизма-ленинизма» из Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы. В их глазах возглавляемый Иноземцевым Институт мировой экономики и международных отношений давно имел репутацию «гнезда ревизионизма», из которого распространяется крамола.

И действительно, картина реального капитализма второй половины XX века, представавшая со страниц монографий и других исследований, выходявших под грифом ИМЭМО, не имела ничего общего с утвердившимися в официальной советской политэкономии еще со сталинских времен представлениями о «мире капитала». Большинство партийно-университетских политэкономов старой формации в штыки встретили подготовленный в ИМЭМО двухтомник «Политическая экономия современного монополистического капитализма», усмотрев в нем «ниспровержение основ». Двухтомник они буквально предавали анафеме, и только присуждение его авторам Государственной премии СССР в 1977 г. приостановило нападки на «ревизионистов из ИМЭМО». Как вскоре выяснится, это была лишь вынужденная пауза в борьбе против Института Иноземцева.

А начиналась эта борьба еще в конце 60-х годов. Именно тогда, как свидетельствует академик В.А. Мартынов, «с легкой руки» профессуры АОН при ЦК КПСС и экономического факультета МГУ появился хлесткий штамп — «ИМЭМО — центр ревизионизма».

Из воспоминаний академика Владлена Аркадьевича Мартынова:

«Кампания с обвинениями ИМЭМО в ревизионизме была тогда поддержана определенными, но как всегда в таких случаях, безымянными сотруд-

¹ Аграрная проблематика изучалась в ИМЭМО с момента создания Института. Еще в 1967 г. на имя А.Н. Косыгина была направлена развернутая записка (авторы – В.А. Мартынов, А.И. Тулупников, М.А. Меньшикова) с обоснованием идеи АПК на примере наиболее развитых стран Запада. Эта записка по решению Политбюро была разослана всем секретарям обкомов и крайкомов КПСС, но этим по существу дело и ограничилось. С 1975 г., по инициативе Н.Н. Иноземцева, в ИМЭМО были развернуты исследования мировой продовольственной проблемы. В Институте был накоплен богатый опыт в изучении того, как продовольственная проблема решается в передовых странах Запада и в развивающихся государствах Третьего мира.

никами отделов науки и пропаганды ЦК КПСС. И по прямому указанию такой высокой персоны в партийной иерархии — секретаря ЦК КПСС по идеологическим вопросам П. Демичева — была создана комиссия РК КПСС с директивой «разобраться с ИМЭМО». Во главе комиссии был поставлен известный сталинист, бывший секретарь Калининградского обкома КПСС, а тогда ректор Финансово-экономического института Щербаков, воспринявший эту директиву, с одной стороны, как свидетельство того, что Н.Н. Иноземцев — «политический труп», с другой стороны, как поручение подготовить по ИМЭМО разгромное решение РК КПСС. Но П. Демичев и те анонимные люди, которые подвинули его на борьбу с крамолой в ИМЭМО, явно просчитались. Во-первых, Л.И. Брежнев, как нам стало известно от его окружения, и «знать не знал» о намечаемой акции; во-вторых, Н.Н. Иноземцев не был к этому времени лишь бывшим зам. редактора «Правды». Его активное и плодотворное участие в качестве члена редакционной комиссии по подготовке политических документов Московских совещаний коммунистических и рабочих партий (в том числе и 1969 г.) было высоко оценено и руководством КПСС, да и признано рядом лидеров других, участвовавших в заседаниях партий; в-третьих, в Международном отделе ЦК КПСС, ответственном за проведение этих совещаний, восприняли готовившуюся атаку на Н.Н. Иноземцева как целенаправленное действие против отдела. Руководитель отдела, персона примерно того же ранга тогда, что и П. Демичев, кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК КПСС по международным вопросам Б.Н. Пономарев, уезжая, в частности, в отпуск, просил ставить его в известность о работе комиссии РК, заявив при этом, что в случае необходимости он возвратится в Москву и поставит вопрос о райкомовской комиссии на секретариате ЦК КПСС. И первый, кто испугался, был, естественно, П. Демичев, начисто отказавшийся от своих установочных слов. И опять-таки вполне в реалиях того времени «внезапно» заболевают и 1-й секретарь РК (хозяйственник, только что избранный на этот пост) и, конечно, председатель комиссии Щербаков. Решение же РК КПСС по ИМЭМО было заново — от первой до последней строки — написано Н.Н. Иноземцевым (в присутствии 3-го секретаря РК и автора этой заметки)»¹.

Свидетельством устойчивости позиций Иноземцева и руководимого им Института явилось награждение ИМЭМО в феврале 1971 г. орденом Трудового Красного Знамени, а самого директора (в апреле того же года) — орденом Ленина. Демичев под благовидным предлогом избежал непосредственного участия в церемонии вручения ИМЭМО государственной награды, отправив на праздничный вечер в Московский Дом ученых одного из своих подчиненных, заведомо науки Трапезникова².

¹ Из воспоминаний академика В.А. Мартынова, любезно предоставленных в распоряжение автора.

² Орден к знамени ИМЭМО прикрепил президент АН СССР академик М.В. Келдыш.

В 1974 г. бывший выпускник Военной академии химической защиты Петр Нилович Демичев, трудившийся недолгое время управделами СМ СССР, а затем работавший Первым секретарем МК КПСС, был заподозрен в симпатиях к «железному Шурику» и потерял пост секретаря ЦК КПСС по идеологии, который он занимал с 1961 г. Его назначили министром культуры СССР, сохранив за ним пост кандидата в члены Политбюро, что давало Демичеву возможность держаться «на плаву» еще долгое время. Тем не менее с его уходом давление Агитпропа на ИМЭМО стало менее жестким и демонстративным. Непосредственный же контроль за Институтом по-прежнему осуществлял отдел науки и вузов ЦК КПСС, руководимый известным мракобесом С.П. Трапезниковым, сила которого заключалась в его давних и тесных связях с Брежневым. Трапезников не любил директора ИМЭМО, но вынужден был считаться с тем, что политически чуждый ему Иноземцев пользуется расположением генсека. Поэтому до поры завотделом науки не демонстрировал своего неприязненного отношения к ИМЭМО.

В течение двух лет после снятия Демичева пост «рабочего» секретаря ЦК по идеологии оставался вакантным; его обязанности по совместительству выполнял сам главный идеолог брежневского режима Михаил Суслов. Наконец, в 1976 г. был найден нужный человек — Михаил Васильевич Зимянин, главный редактор «Правды» с 1965 г. Он и стал «вторым» секретарем ЦК КПСС по идеологии.

Новый идеологический начальник столь же неприязненно относился к Иноземцеву, как и Трапезников. Они были хорошо знакомы еще по совместной работе в «Правде» в 1965—1966 гг. Уже тогда у убежденного консерватора сталинской формации, призванного в «Правду» искоренять либеральную «ересь» предыдущего шеф-редактора, Алексея Матвеевича Румянцева, возникли принципиальные разногласия с Иноземцевым, твердо стоявшим на позициях XX съезда партии.

В 1966 г. Иноземцев, назначенный директором ИМЭМО, ушел «из-под» Зимянина, но спустя десять лет вновь оказался «под ним». Их давние разногласия обозначились с новой силой. Однажды, как вспоминает М.М. Максимова, Зимянин вызвал его к себе и начал отчитывать по поводу очередных выборов в Академию наук, куда опять избрали (имелось в виду Отделение экономики) «не тех, кого надо», т. е. не выдвиненцев Агитпропа и отдела науки¹. Когда Иноземцев попытался возражать, Зимянин перешел на крик:

«— ЦК заставит тебя слушаться и исполнять то, что я говорю! Ты еще у меня походишь!»

¹ Можно вспомнить настойчивые попытки заведующего отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова избратся в действительные члены АН СССР. Все эти попытки встречали решительную оппозицию академического сообщества. «Членкор» Трапезников так и не стал академиком. Отвергались кандидатуры и других ставленников партийной номенклатуры.

— ЦК — это кто? Один Зимянин, что ли? Я не позволяю на себя кричать на фронте и не позволю здесь. Не зарывайся! — ответил Н.Н. Иноземцев и вышел из кабинета¹.

Неприязнь Зимянина к Иноземцеву питалась не только идеологическими расхождениями с ним, но и сугубо личными мотивами. В возраставшем авторитете и влиянии Иноземцева на Генерального секретаря Зимянин усматривал потенциальную угрозу лично для себя. Он вполне мог подозревать академика Иноземцева, образованность и кругозор которого не шли ни в какое сравнение с более чем скромным интеллектуальным багажом Михаила Васильевича, в намерениях занять его место — секретаря ЦК партии по идеологии. Правда, у Зимянина был такой мощный покровитель, как Сулов, «в епархию» которого предпочитал не вторгаться даже сам Леонид Ильич. Поэтому, пока был жив благоволивший к нему «серый кардинал» брежневского режима, опасения Зимянина в отношении Иноземцева, в действительности, не имели под собой оснований.

Более реальную угрозу в глазах Зимянина и других консерваторов со Старой площади Иноземцев представлял в качестве внешнеполитического и экономического советника Брежнева. Их раздражало и даже пугало «пагубное» влияние Иноземцева, Арбатова и других «ревизионистов» на генсека. Не случайно агитпроповцы, по авторитетному свидетельству тогдашнего руководителя Группы консультантов отдела пропаганды В.А. Печенев, в своем кругу называли Н.Н. Иноземцева «Кока-Кола», с очевидным политическим смыслом переиначивая его имя и отчество².

Близость Иноземцева к Брежневу и особенно его попытки оказывать влияние на генсека в решении внутриэкономических проблем нередко вызывали раздражение и в высоких правительственных сферах. А.Н. Косыгин, безусловно ощущавший на себе недоброжелательство со стороны Брежнева, вряд ли мог симпатизировать его советнику Иноземцеву, хотя и вынужден был изучать направляемые в Совет Министров экономические разработки ИМЭМО.

«Иноземцев, — вспоминает М.М. Максимова, — часто бывал на совещаниях у Косыгина. С одной стороны, Косыгин принимал те прогнозы экономического развития, которые передавал ему Иноземцев. С другой, — мог обрушиться с резкой критикой. На одном из совещаний, при обсуждении вопроса о государственных ценах на промышленные товары, которые вы-

¹ Послесловие М. Максимовой к книге: *Иноземцев Николай*. Цена победы в той самой войне... С. 314. Этот случай, по свидетельству академика В.А. Мартынова, имел место в 1981 г., когда на выборах при активной поддержке Иноземцева действительным членом АН СССР был избран А.Г. Милейковский, кандидатура которого не получила предварительного (и обязательного в то время) одобрения на Старой площади.

² Это, как пишет Печенев, «отражало очевидно не только схожее звучание его (Иноземцева. — П.Ч.) имени — отчества, но и проамериканскую, по мнению аппаратчиков, ориентацию в политике» // Печенев Вадим. Указ соч. С. 31.

росли в стране к середине 70-х годов чуть ли не в два раза, Иноземцев сказал, что речь идет, по существу, об инфляции. «Вы что нам тут предлагаете эти буржуазные словечки», — оборвал Иноземцева Косыгин»¹.

По свидетельству Максимовой, хорошие отношения у Иноземцева были с заместителем Косыгина, председателем Госплана СССР Николаем Константиновичем Байбаковым, с которым они неоднократно отдыхали в одно и то же время в Кисловодске. Но даже при хороших личных отношениях бывший сталинский нарком² с трудом мог воспринимать те объективные данные (в том числе статистические), которые ему направлялись из ИМЭМО. Он мог, например, на полном серьезе потребовать изменить прогнозируемые ИМЭМО показатели ежегодных темпов роста западной экономики на том лишь основании, что эти темпы превышают соответствующие запланированные на пятилетку показатели развития советской экономики. *«У нас плановая социалистическая экономика, — горячился Байбаков. — Темпы роста нашей экономики заложены в пятилетку, а вы тут говорите, что у них будет 3%, а у нас что — 2,6%..? Измените их показатели! У нас уже все точно расписано, значит, это вы ошиблись в расчетах»³.*

Непосредственным начальником Иноземцева по академической линии был Петр Николаевич Федосеев, вице-президент АН СССР, курировавший общественные науки. В последние годы жизни Сталина он руководил журналом «Большевик», затем Институтом философии, считаясь в официальной партийной науке авторитетом в области исторического материализма и критики современной «буржуазной» философии и социологии. С 1961 г. Федосеев постоянно входил в состав ЦК КПСС, где играл видную роль в формировании партийных идеологических установок. Некоторые считали его неисправимым догматиком и сталинистом, забывая (или не зная), что в начале 50-х годов он публично подвергся жесткой идеологической проработке и даже был снят с поста главного редактора партийного журнала «Большевик». С конца 60-х годов, когда заметно оживились неосталинисты, Федосеев, как и Пономарев, не был замечен в их рядах. Федосеев не был лишен таких качеств, как отзывчивость и человечность. Он всегда хорошо и по-доброму относился к Иноземцеву, хотя и не был в полном смысле слова его единомышленником. Как вице-президент АН СССР, П.Н. Федосеев неоднократно защищал ИМЭМО от нападок ревнителей устоев.

К числу единомышленников Иноземцева, безусловно, принадлежали просвещенные представители Международного отдела ЦК КПСС (В.В. Загладин, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров и др.)⁴ и часть (тоже просвещенная) хозяйст-

¹ Запись беседы с М.М. Максимовой.

² С 1944 до 1955 г. Н.К. Байбаков был наркомом (министром) нефтяной промышленности СССР.

³ Запись беседы с М.М. Максимовой.

⁴ Следует отметить, что в Международном отделе ЦК были представлены не только прогрессивно мыслящие, но и консервативно-реакционные деятели, такие, например, как Р. Ульяновский, один из заместителей Пономарева. И все же там они были в явном меньшинстве.

венной элиты, сознававшая давно назревшую необходимость реформ. Зато в большинстве других отделов Центрального комитета, и прежде всего в Агитпропе и в отделе науки, он имел множество недругов. Следует признать, что позиции Иноземцева в высших эшелонах власти не были столь прочными, как могло тогда казаться. В решающей степени его положение определялось благоволением к нему самого Брежнева и расположением отдельных членов Политбюро и секретариата ЦК КПСС (с большей долей уверенности к ним можно было отнести М.С. Горбачева и Б.Н. Пономарева¹, с меньшей — Ю.В. Андропова...).

В целом же соотношение между друзьями и недругами академика Н.Н. Иноземцева в окружении Брежнева и в партийной номенклатуре было не в пользу первых. В сущности Иноземцев, как и Арбатов, как и другие немногие представители гуманитарной научной интеллигенции в Центральном комитете КПСС, были там «чужими среди своих». Именно как к чужакам к ним и относилась партноменклатура.

Вряд ли прогрессист Иноземцев вызывал симпатии у консервативно настроенных секретарей республиканских, краевых и областных комитетов партии, а также у престарелых министров, которые составляли подавляющее большинство в Центральном комитете. Это хорошо иллюстрирует эпизод, связанный с выступлением Н.Н. Иноземцева на одном из пленумов ЦК во второй половине 70-х годов.

Из воспоминаний академика Е.М. Примакова:

«Помню, как еще во времена Брежнева, Иноземцев пригласил меня к себе поужинать. Он был явно взволнован. Сказал, что впервые предложили ему, тогда кандидату в члены ЦК КПСС, выступить на пленуме Центрального Комитета. «Не будьте «белой вороной», напишите текст», — посоветовал я Ник Нику². «Не могу, буду выступать без бумажки».

Я оказался прав — уже одно это вызвало неудовольствие многих присутствовавших в зале. Еще больше покорило содержание выступления. Иноземцев возразил против монополии на внешнюю торговлю даже не государства, а, как он справедливо сказал, Министерства внешней торговли СССР. Кроме этого, Иноземцев говорил о необходимости целенаправленной работы для обеспечения наилучших результатов на прорывных направлениях научно-технического прогресса. И все бы ничего, но академик Иноземцев привел в пример капиталистическую Японию, которая концентрировала средства через Министерство промышленности и торговли, чтобы помочь частному бизнесу вырваться вперед в производстве компьютеров. После успешного освоения этих средств и выхода на показатели нового поколения

¹ У Иноземцева всегда были хорошие отношения с Пономаревым. Вместе с тем нельзя полностью исключать того, что семидесятипятилетний руководитель Международного отдела ЦК мог усматривать в более молодом и энергичном Иноземцеве возможного претендента на его место.

² Так называли Иноземцева между собой его друзья и ближайšie сотрудники. — П.Ч.

компьютерной техники компании снова «разбежались» по своим «квартирам» и продолжили конкуренцию за рынки.

Николай Николаевич был очень удручен, когда ему передали реплику одного из руководителей, сказавшего в своем «кругу»: «Вы разве не видите, он нас пытается поучать!». А бессменный помощник нескольких генеральных секретарей, безусловно, очень остроумный, едкий человек, А.М. Александров-Агентов сказал Иноземцеву: «Николай Николаевич, после вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: либо нужно выводить из ЦК интеллигентов, либо делать ЦК интеллигентным»¹.

Развивая шутку Александрова-Агентова, можно с уверенностью утверждать, что в условиях брежневского зстоя второй из предложенных им вариантов был абсолютно недостижим. Оставался первый вариант — если и не «выводить интеллигентов из ЦК», то в любом случае поставить заслон их влиянию на высшее руководство и восхождению по ступеням партийной иерархии. После того как в феврале 1981 г. на XXVI съезде Иноземцев стал полноценным членом ЦК КПСС, его противники активизировались. Катализатором этой активности стали ожидания предстоящих в самом скором времени важных перемен в высшем партийном руководстве. Брежнев, все это видели, доживает последние месяцы, а, быть может, и дни...

Кто придет ему на смену? Кто войдет в команду нового генсека? Это были поистине мучительные вопросы для партноменклатуры.

«Наверху была определенная группа людей, которая не хотела прихода туда Николая Николаевича..., — говорит М.М. Максимов. — Надо сказать, что ему неоднократно предлагали разные высокие посты в ЦК, и каждый раз он говорил «нет» или ставил условие — сохранение за ним поста директора Института, чего в то время ему позволить не могли. Как это так — секретарь ЦК и одновременно — директор ИМЭМО!.. Я думаю, что именно нежелание видеть Иноземцева в числе тех, кто будет определять политику нашей страны, и сыграло свою роль в начатой против него провокационной кампании»².

Мнение вдовы Н.Н. Иноземцева разделяет авторитетный российский политолог Игорь Михайлович Бунин, в 70-е — начале 80-х годов работавший в ИМЭМО. «В случае смены руководства, т.е. после смерти Брежнева, Ино-

¹Примаков Евгений. Годы в большой политике. М., 1999. С. 27–28. Вдова Иноземцева подтверждает этот случай, хотя и отрицает, что ее муж вернулся с пленума в удрученном состоянии. «Помню, — говорит она, — что Николай вернулся в хорошем настроении и долго смеялся, вспоминая, как участники пленума «вставляли на цыпочки», пытаясь рассмотреть, читает Иноземцев текст по бумажке или нет» (запись беседы с М.М. Максимовой).

² Там же.

земцев рассматривался как один из кандидатов на достаточно важный пост в ЦК, против чего выступал идеологический отдел. Игра велась персонально против Иноземцева», — утверждает Бунин¹.

Смерть Иноземцева

Академик Н.Н. Иноземцев, по мнению многих, имел вполне реальные шансы в самом недалеком будущем сменить М.В. Зимянина на посту секретаря ЦК по идеологии. Многие это понимали, а лучше всех сам Михаил Васильевич, не ко времени лишившийся своего неизменного покровителя, М.В. Суслова, умершего в январе 1982 г. Стоит ли удивляться, что именно Зимянин, как мы увидим, оказался главным организатором хитро закрученной интриги против Иноземцева. В этой интриге активное участие приняло руководство Агитпропа и отдела науки ЦК, а также МГК КПСС и КГБ.

До сих пор существуют разные мнения относительно драматических событий, разыгравшихся в ИМЭМО в 1982 г. — был ли это детально продуманный заговор против директора Института или существовал лишь общий замысел его недругов, осуществлению которого способствовало удачное для последних стечение обстоятельств?

Большинство участников и свидетелей тех событий склоняются все же к версии о заговоре: слишком уж «кстати» для врагов Иноземцева сошлись воедино уголовное «дело Пухова» и политическое «дело Фадына — Кудюкина», чтобы поверить в случайное совпадение. При этом следует отметить, что многое в этой истории до сих пор остается неясным.

Начиная кампанию по дискредитации Иноземцева, ее закулисные организаторы, разумеется, не предполагали, что для Николая Николаевича она обернется трагедией. Их цель была иной — всего лишь скомпрометировать директора ИМЭМО, поставить крест на его дальнейшей политической карьере. В этом смысле то, что случилось 12 августа 1982 г. с Иноземцевым, можно было бы назвать его непреднамеренным убийством.

«Дело ИМЭМО» начало раскручиваться с конца 1981 г., когда проверка финансово-хозяйственной деятельности Института выявила ряд нарушений существовавших тогда правил списания пришедшей в негодность мебели. Проверка проводилась Управлением бухгалтерского учета, отчетности и внутриведомственного контроля Президиума АН СССР, Контрольно-ревизионным управлением Министерства финансов СССР и Московским городским комитетом народного контроля. Поводом к ней послужил поступивший из ИМЭМО сигнал от одного из обиженных на заместителя директора по общим вопросам В.А. Пухова сотрудников административно-хозяйственного отдела (АХО), который обвинял своего шефа в хищениях импортной мебели и другого технического оборудования (телевизора, искусственной кожи, унитазов и т.д.), принадлежащего Институту. Одновременно с началом про-

¹ Запись беседы с И.М. Буниным 21 августа 2003 г.

верки кем-то стали распространяться слухи, будто часть этого импортного оборудования и строительных материалов могла оказаться не только у Пухова, но и на даче у академика Иноземцева.

Здесь следует дать необходимые пояснения. Сначала о Пухове.

Владилен Акимович Пухов пришел в ИМЭМО в 1972 г. по приглашению Иноземцева. До этого он работал заместителем управляющего по техническим вопросам Домоуправления № 2 Управления высотных зданий Мосгорисполкома. Это был знаменитый, описанный Юрием Трифионовым «дом на набережной», где со сталинских времен жили представители советской элиты.

В это время Иноземцев настойчиво добивался завершения начатого еще в середине 60-х годов строительства 21-этажного здания ИМЭМО на Профсоюзной улице, и ему позарез нужен был технически грамотный и энергичный зам, способный взять на себя ежедневные заботы о скорейшем завершении «долгостроя».

Одновременно Пухов помогал Иноземцеву в реконструкции его старой академической дачи в поселке Луцино (Звенигородский район), которая в разгар ремонта (1972 г.) сгорела, по всей видимости, от неосторожности рабочих. Иноземцев в прямом смысле слова оказался на пепелище.

Распоряжением Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К.Т. Мазурова академику Н.Н. Иноземцеву, по свидетельству Пухова, были выделены финансовые средства на строительство новой дачи. Добавив к выделенной правительством сумме собственные личные сбережения, Иноземцев обратился в Центракадемстрой, который и занялся строительством нового загородного дома. Пухова же Иноземцев попросил изредка приглядывать за ходом строительных работ.

Как свидетельствуют В.А. Пухов и тогдашний секретарь парткома ИМЭМО д.э.н. В.Н. Шенаев, все стройматериалы и строительные работы, завершённые в 1974 г., были оплачены Иноземцевым в официальном порядке, на что у него имелась соответствующая документация.

Последнее обстоятельство не помешало врагам Иноземцева, почти через восемь лет (!) после завершения строительства, распуścić грязные слухи о том, что дачу он построил с незаконным привлечением государственных средств и имущества, принадлежащего ИМЭМО.

О каком же имуществе шла речь?

Примерно в середине 1973 г. строители нового здания ИМЭМО клятвенно пообещали закончить работу к началу 1975 г. В преддверии долгожданного новоселья Дирекция Института (Иноземцев и Пухов) через Центракадемснаб заказали в Финляндии мягкую мебель для оборудования залов и кабинетов.

Исполнительные финны поставили заказанную мебель к установленному сроку, т.е. летом 1974 г. Частично она поступила в разукomплектованном виде и требовала последующей сборки. В это время строители объявили, что «завершение объекта» откладывается минимум на два года. Полученную из Финляндии мебель пришлось в авральном порядке размещать в подвальных и чердачных помещениях старого гостиничного здания Института на Ярославской улице, дом 13. Там, в не приспособленных для длительного хранения условиях,

ей пришлось пылиться даже не два, а почти четыре года — до весны 1978 г., когда наконец ИМЭМО переселился на Профсоюзную улицу. В довершение всех несчастий часть мебели, хранившейся на чердаке, под прохудившейся крышей, пострадала от ливневых дождей, а другая ее часть была подпорчена крысами и мышами, прочно обосновавшимися в подвале. Одним словом, до переезда на Профсоюзную дожила не вся финская мебель. Многие диваны и кресла безнадежно утратили первоначальный облик. Что-то было утрачено и в процессе сборки разукомплектованной мебели уже в новом здании.

В советские времена существовала нелепая в своей бессмысленности практика ежегодного списания мебели и другого казенного имущества, признаваемого некондиционным. Вместо того чтобы пустить все это в продажу, в том числе и заинтересованным (прежде всего малоимущим) сотрудникам того или иного учреждения, — столы, стулья, кресла, диваны, книжные шкафы, стеллажи и т.д. уничтожались по особому акту, обязательно в присутствии представителей администрации и общественности. Ежегодно, в апреле месяце, в день коммунистического субботника, приходившегося на день рождения Ленина, по всей стране пылали десятки (если не сотни) тысяч костров, в которых бесследно исчезали предметы, значительная часть которых далеко не исчерпала свой ресурс и могла бы послужить если и не в учреждении, сумевшем закупить новую партию мебели, то в домах и квартирах тех, кому новая мебель была не по карману. Подобные публичные сожжения старой мебели ежегодно проводились и в ИМЭМО.

Пухов, что впоследствии признал он сам, совершил ошибку, вовремя не списав испорченную на чердаке и в подвале ИМЭМО финскую мебель, которую, правда, никак нельзя было отнести к разряду ветхой. Списывание он отложил до переезда в новое здание. Этой оплошностью и воспользовались те, кто фабриковал «дело ИМЭМО».

О финской мягкой мебели, значительная часть которой разместилась в новом здании ИМЭМО, вспомнили через три с половиной года после переезда Института на Профсоюзную улицу. Заодно заговорили и о стройматериалах, которые могли якобы со строительной площадки Института попасть на дачу Иноземцева.

На исходе 1981 г. заместитель директора ИМЭМО по общим вопросам В.А. Пухов неожиданно был вызван в Комитет партийного контроля ЦК КПСС. Каково же было изумление Пухова, когда его ввели в огромный кабинет самого председателя КПК Арвида Яновича Пельше, одно имя которого внушало трепет иным членам ЦК, министрам и генералам.

Не только по должности главного контролера КПСС, но и по своим личным качествам этот суровый латыш считался совестью партии. Член РСДРП(б) с 1915 г., участник революции и Гражданской войны, сотрудник ЧК, получивший ранение при взрыве анархистами здания МК партии большевиков в Ле-онтьевском переулке в Москве 25 сентября 1919 г., впоследствии многолетний руководитель Компартии Латвии, а с 1966 г. — председатель КПК и член Политбюро ЦК КПСС. В 1981 г. Пельше было уже 82 года. Он был старейшиной в брежневском Политбюро.

Вызов к столь высокопоставленному лицу никому не известного заместителя директора по административно-хозяйственной части академического института не мог быть случайным. Он был явно рассчитан на то, чтобы произвести должное психологическое воздействие на Пухова, побудить его признаться «самому Арвиду Яновичу» в том, о чем заместитель Иноземцева мог бы умолчать в беседе с райкомовским или горкомовским чиновником.

Пельше сразу же расставил все точки над «і»:

«Вы, наверное, понимаете, что вы не тот человек, с которым должен разбираться председатель Комитета партийного контроля. У меня здесь дают объяснения члены ЦК и министры... Лично вы меня не интересуете. Поэтому не будем терять время. Вам сейчас дадут бумагу, карандаш и проводят в соседнюю комнату, где вы подробно напишете о тех хозяйственных нарушениях и фактах расхищения социалистической собственности, которые имели место в Институте мировой экономики и международных отношений. Напишите, кто и сколько воровал, кому и куда из Института вывозилось государственное имущество».

«Мое замечание, что мне не о чем писать и не в чем признаваться, Пельше пропустил мимо ушей, словно и не слышал, — вспоминает Пухов. — Меня вывели из его кабинета и проводили в одну из комнат, неподалеку, где оставили в полном одиночестве, предупредив, что когда я закончу писать «чистосердечное признание», то должен нажать на кнопку на столе и вызвать дежурного. Этим же способом следовало попроситься в туалет. Так я провел несколько часов. Листы писчей бумаги остались чистыми. В конце рабочего дня меня отпустили без всяких комментариев, но было ясно, что все еще впереди»¹.

Худшие предположения Пухова оправдались.

Вскоре после вызова к Пельше В.А. Пуховым и его заместителем, главным инженером ИМЭМО Игорем Яковлевичем Веретильным заинтересовался ОБХСС² Севастопольского РУВД Москвы, опирающийся в начатом расследовании на результаты проверки хозяйственно-финансовой деятельности Института инспекцией АН СССР, КРУ Минфина и Московским городским комитетом народного контроля. Пухова и Веретильного беспрерывно вызывали на допросы, настойчиво выясняя, не могла ли списанная финская мебель попасть на дачу Иноземцева. А в начале 1982 г. расследованием «хищений в ИМЭМО» занялась прокуратура Севастопольского района г. Москвы.

10 февраля было заведено уголовное дело в отношении И.Я. Веретильного, а 10 марта в своем служебном кабинете был арестован В.А. Пухов, обвиненный по ст. 92 ч. 2 УК РСФСР. В его кабинете был проведен обыск. Одновременно обыск проводился и на квартире Пухова. На его имущество был наложен

¹ Запись беседы с В.А. Пуховым 27 ноября 2003 г.

² ОБХСС — отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности, существовавшие в системе МВД СССР, занимались расследованием экономических преступлений.

арест. На глазах научных сотрудников Пухова вывели из Института и отправили в КПЗ — камеру предварительного заключения Севастопольского РУВД. Как вспоминает Пухов, его соседями по КПЗ оказались два арестанта, обвиненные в убийствах, — так, во всяком случае, они ему представились. Один из них со знанием дела убеждал Пухова не упорствовать и во всем признаться, иначе, по его словам, «тебя здесь размажут» (имелось в виду следствие)¹. Были ли это действительно убийцы или подсадные утки — оставалось только гадать. В этой «приятной компании» Пухов провел сутки. На следующий день его неожиданно освободили под подписку о невыезде. Освобождение Пухова стало результатом решительного вмешательства секретаря парткома ИМЭМО В.Н. Шенаева.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН Владимира Никитовича Шенаева:

«Пухова арестовали на рабочем месте, не поставив в известность ни Дирекцию, ни партком, ни местком, хотя это произошло в рабочее время. Узнав об этом от сотрудников, которые видели эту сцену, утром следующего дня я поехал к Первому секретарю Севастопольского РК КПСС Асокову, который сказал, что для него это тоже неожиданность, и он поддерживает мои действия по выяснению обстоятельств. В милиции мне было сказано, что они действовали по указанию прокурора, хотя сами не видят к этому причин, о чем я могу сказать прокурору. Разговор с прокурором был странным. Он предложил мне немедленно собрать партком и исключить из партии зам. директора по хозяйственной работе (Пухова. — П.Ч.), не предъявив никаких документов (правда он мне сказал, что они у него есть, и он представит их позже). После того, как я сказал, что нахожусь это очень странным и еду в ЦК КПСС, прокурор Богачев Виктор Яковлевич снял трубку и позвонил при мне в тюрьму, попросив отпустить задержанного»².

Пухов был отпущен, но обвинения против него не были сняты. Следствие продолжалось. Более того, 24 апреля 1982 г. из районной прокуратуры уголовное дело Пухова было затребовано Прокурором РСФСР. Дальнейшее расследование было поручено старшему следователю по особо важным делам при Прокуроре РСФСР, старшему советнику юстиции В.И. Олейнику, возглавившему следственную группу в составе трех человек.

На допросах, по свидетельству Пухова, фамилия Иноземцева напрямую не называлась, но чувствовалось, что именно директор ИМЭМО интересуется тех, кто заказал и раскручивал это дело. Слишком уж несоразмерны были пункты обвинения, да и сам его характер, достойный разве что внимания рядового следователя районного ОБХСС, задействованным силам из Прокуратуры РСФСР. Было совершенно очевидно и другое: заинтересованные лица нахо-

¹ Запись беседы с В.А. Пуховым.

² Из воспоминаний В.Н. Шенаева.

дильсь не на Кузнецком мосту, где размещалась Прокуратура РСФСР, а на Старой площади, в кабинетах ЦК КПСС и Комитета партийного контроля.

В течение трех месяцев старший советник юстиции В.И. Олейник и два других следователя «работали» с Пуховым и с документами по его делу. Были опрошены два десятка свидетелей из числа сотрудников АХО и других подразделений ИМЭМО, проведены многочисленные очные ставки. В итоге руководитель следственной группы вынужден был огорчить высокопоставленных заказчиков. 21 июля 1982 г. В.И. Олейник закрыл уголовное дело в отношении В.А. Пухова.

Из «Постановления о прекращении уголовного дела»:

«<...> Факты хищения импортной мебели со стороны Пухова и Веретильного следствием не установлены. Не нашли своего подтверждения в ходе следствия факты вывоза Пуховым из Института и установки на частных квартирах санитарно-технического оборудования и хищения искусственной кожи. <...>

Установленные следствием факты необеспечения сохранности Пуховым импортной мебели, несвоевременного списания мебели, пришедшей в негодность, утверждения им протоколов формально проводимых инвентаризаций также не являются уголовно наказуемыми.

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 208, п. 2 ст. 5 и ст. 209 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Уголовное дело по обвинению Пухова Владилена Акимовича по ст. 92 ч. 2 УК РСФСР производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Арест, наложенный на имущество Пухова В.А., снять.

Меру пресечения Пухову В.А. в виде подписки о невыезде — отменить.

О принятом решении уведомить заинтересованных лиц, разъяснив им, что настоящее постановление может быть обжаловано ими в 5-дневный срок на имя Прокурора РСФСР.

Старший следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР старший советник юстиции В.И. Олейник»¹.

Получив 26 июля на руки этот документ, Пухов поехал к Иноземцеву, который незадолго перед этим вышел из больницы, куда попал с острым сердечным приступом. Пухов неоднократно навещал его в больнице на Мичуринском проспекте, информируя о ходе следствия. Он приезжал к нему и один,

¹ «Постановление о прекращении уголовного дела. 21 июля 1982 г.» // Личный архив В.А. Пухова.

и в компании с другом Иноземцева, Григорием Иосифовичем Морозовым. В больнице Иноземцев, по воспоминаниям Пухова, выглядел очень плохо, осунулся, как-то посерел и находился в подавленном состоянии. *«Чувствовалось, что он сгорает»*, — вспоминает Пухов.

«Молодец, я в тебе и не сомневался», — отреагировал Иноземцев на сообщенную Пуховым новость о прекращении дела.

Хотя дело о «хищении государственного имущества в ИМЭМО» и было закрыто¹, сам факт его возбуждения и многомесячного досужего обсуждения не только в академических, но и в партийно-чиновных сферах нанес тяжелый удар по Иноземцеву². До сих пор никто и никогда не сомневался в порядочности Иноземцева, героя-фронтовика, достигшего высокого положения собственным талантом и редкой работоспособностью. Он долго и старательно выстраивал свою карьеру и, безусловно, дорожил достигнутым. К тому же в свои 60 лет, на фоне престарелых кремлевских старцев и бесцветных аппаратчиков, член ЦК КПСС академик Н.Н. Иноземцев имел все основания надеяться на получение высокого поста в партийном руководстве. Только по этим причинам, не говоря уже о его известной всем честности, Иноземцев никогда бы не рискнул своей безупречной репутацией ради сомнительного приобретения казенной офисной мебели.

Всем, кто хорошо его знал, с самого начала был понятен провокационно-заказной замысел сфабрикованного «дела Пухова», в действительности направленного против Иноземцева. Но были и такие люди (в том числе и на Старой площади), кто с готовностью поверил в возможность причастности академика Иноземцева к «хищениям госсобственности». Так или иначе, но на Иноземцева была брошена тень, чего, собственно, и добивались его враги.

Надо признать, что враги Иноземцева выбрали весьма удачный момент для его дискредитации. Как раз в это время председатель КГБ Ю. Андропов начинал показательную антикоррупционную кампанию, инициировав ряд уголовных дел в отношении отдельных представителей номенклатуры и не-

¹ Оправданный следствием В.А. Пухов тем не менее получил партийное взыскание за выявленные нарушения в хозяйственно-финансовой деятельности Института. Он проработал в ИМЭМО еще десять лет, до июля 1992 г., когда перешел в другую организацию.

² *«После того, как не удалось получить компромат на Николая Николаевича по хозяйственной линии, некоторое время казалось, что от нападок на Иноземцева отказались, — вспоминает тогдашний секретарь парткома ИМЭМО В.Н. Шенаев. — Правда, сам Николай Николаевич воспринимал все это очень болезненно, о чем свидетельствует следующий факт. От кого-то он узнал, что все же в Международном отделе ЦК КПСС ходят слухи о якобы использовании им строительных материалов Института при строительстве дачи. Он пригласил меня в свой кабинет, где на столе стоял портфель. Николай Николаевич открыл его и попросил посмотреть квитанции об оплате им каждого строительного материала. С этим портфелем он поехал к заведующему Международным отделом ЦК КПСС Борису Николаевичу Пономареву, который успокоил Николая Николаевича, сказав, что ему в ЦК КПСС полностью доверяют»* (из воспоминаний В.Н. Шенаева).

которых лиц из окружения Брежнева и его семьи¹. Это давало врагам Иноземцева надежду на то, что Андропов не станет защищать скомпрометированного их стараниями директора ИМЭМО.

Возникшие подозрения жестоко оскорбляли Иноземцева, тяжело ранили его душу. Человек эмоциональный и вспыльчивый, он остро переживал непривычную для него ситуацию, оказавшись совершенно безоружным перед грязными клеветническими слухами. Друзья Иноземцева поражались его бездействию. Ведь он мог хотя бы попытаться прекратить это дело, обратившись к Брежневу. Но именно этого он не делал, несмотря на настойчивые призывы друзей.

Положение Иноземцева усугублялось тем, что одновременно с уголовным «делом Пухова» в ИМЭМО раскручивалось политическое «дело Фадиной—Кудюкина». Совпадение по времени этих двух дел недвусмысленно свидетельствовало о продуманной закулисной интриге, в которую врагам Иноземцева удалось вовлечь Московское городское управление КГБ.

6 апреля 1982 г., по обвинению в антисоветской деятельности, органы КГБ арестовали двух молодых научных сотрудников ИМЭМО — Андрея Фадину и Павла Кудюкина. Впоследствии некоторые будут говорить, что «дело Фадиной — Кудюкина» не было случайным, как не было случайным появление этих двух молодых людей в ИМЭМО. Имелось в виду, что «дело Фадиной — Кудюкина» могло быть хорошо спланированной провокацией КГБ, который подыграл «заказчикам» из ЦК в их борьбе против Иноземцева.

Так ли это было? Постараемся в этом разобраться.

Прежде всего об обстоятельствах появления в ИМЭМО этих двух диссидентов. Оба они пришли в Институт еще в 1978 г., т.е. за три с лишним года до случившейся с ними истории.

Андрей Васильевич Фадин родился в 1953 г. в Москве, в обеспеченной интеллигентной семье. Его отец работал в Группе консультантов Международного отдела ЦК, где занимался скандинавскими странами. Он умер в 1976 г.

¹ Уголовные дела были заведены в отношении руководящих работников Министерства рыбного хозяйства СССР (замминистра Рытов будет приговорен к смертной казни), заместителя министра торговли РСФСР Лукьянова, 1-го секретаря Сочинского горкома КПСС А. Мерзлого, секретаря Краснодарского обкома партии А. Тарады (он неожиданно умер в тюремной камере). Следствие по «сочинскому делу» вышло на друга Брежнева, 1-го секретаря Краснодарского крайкома КПСС С. Медунова. Тогда Медунову удалось уйти от ответственности. Андропов этого не забудет и в июне 1983 г. вернется к «делу» Медунова. 19 января 1982 г. покончил жизнь самоубийством близкий к Брежневу генерал армии С.К. Цвигун, 1-й заместитель председателя КГБ, приставленный в свое время «приглядывать» за самим Андроповым. Его смерть связывали с начатым Андроповым расследованием преступлений лиц из окружения Галины Брежневой, дочери генсека. Одновременно шеф КГБ начал подкуп под министра внутренних дел Н. Щелокова и его заместителя Ю. Чурбанова, зятя Брежнева. В КГБ имели серьезный компромат и на Секретаря Президиума ВС СССР М.П. Георгадзе, ближайшего помощника Брежнева по делам Верховного Совета. Георгадзе поспешит уйти из жизни через две недели после избрания Андропова Генеральным секретарем в ноябре 1982 г.

Мать преподавала немецкий язык в Московском инженерно-строительном институте. По окончании средней школы в 1971 г. Андрей Фадин поступил на исторический факультет МГУ, где специализировался на кафедре новой и новейшей истории в области латиноамериканистики. В 1976 г. он успешно защитил диплом на тему: «История перуанской партии АПРА». Занятия современной латиноамериканской проблематикой оказало глубокое влияние на формирование политического мировоззрения Фадина, ставшего горячим приверженцем идей Эрнесто Че Гевары. Увлеченность революционными процессами, протекавшими в 60—70-е годы в ряде стран Латинской Америки, сочеталась у Фадина с резко критическим отношением к советской действительности. Еще в МГУ он впервые попал в поле зрения КГБ, который с тех пор не оставлял Фадина своим вниманием. Употребляя чекистский лексикон, Фадин был взят «в разработку», как и некоторые из его студенческих друзей-единомышленников.

Получив диплом, Фадин устраивается на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в качестве переводчика с испанского и английского языков. Одновременно он поступает в заочную аспирантуру Института международного рабочего движения (ИМРД АН СССР). Через два года, в сентябре 1978-го, ему удается устроиться в самый престижный академический институт международного профиля — ИМЭМО, где Фадин становится младшим научным сотрудником отдела развивающихся стран. Здесь в обстановке творческой свободы и откровенных научных дискуссий он чувствует себя совершенно комфортно. Научным руководителем Фадина в ИМЭМО стал один из ведущих советских латиноамериканистов Кива Львович Майданик — тоже давний сторонник идей Че Гевары.

Почти одновременно с Фадиным в ИМЭМО приходит один из его друзей по истфаку Павел Кудюкин.

Павел Михайлович Кудюкин, ровесник Фадина, родился в семье преподавателей Загорского (Сергиев-Посадского) художественно-промышленного техникума игрушки, где в течение года по окончании средней школы сам работал столяром. В 1971 г. Кудюкин поступил на исторический факультет МГУ, где специализировался по новейшей советской истории. Его дипломная работа была посвящена изучению идеологических предпосылок «косыгинской» хозяйственной реформы 1965 г. Исследование обстоятельств, связанных с провалом «реформы Косыгина», похороненной стараниями косной партбюрократии, способствовало становлению оппозиционных убеждений у Павла Кудюкина, которые он, как и Фадин, не особенно скрывал. Не удивительно, что студент Кудюкин тоже попал «под колпак» КГБ. Тем не менее в 1976 г. он получил диплом с отличием и устроился старшим лаборантом на кафедру философии и научного коммунизма во ВГИК. Через год Кудюкин перейдет на аналогичную должность на кафедру философии гуманитарных факультетов МГУ, а оттуда в 1979 г. поступит в очную аспирантуру ИМЭМО по отделу социальных и внутривнутриполитических проблем капиталистических стран. К сентябрю 1981 г. Павел Кудюкин завершит работу над диссертацией «Испанская социалистическая рабочая партия в период демократизации»

(1974—1979)». В декабре того же года его зачисляют в «отдел Дилигенского» на должность младшего научного сотрудника. Весной 1982 г. Кудюкину предстояла защита кандидатской диссертации...

Помимо Фадына и Кудюкина, к началу 80-х годов в ИМЭМО работали (или учились в аспирантуре) и другие выпускники истфака 1976 г. — Татьяна Ворожейкина, Олег Кудрявцев, Константин Барановский — талантливые молодые ученые, подававшие большие надежды. Всех их со студенческой скамьи связывали узы дружбы, продолжавшейся и в стенах ИМЭМО. Когда в апреле 1982 г. начнется следствие по «делу Фадына — Кудюкина», их друзей привлекут в качестве свидетелей и будут вызывать на допросы в Лефортовскую тюрьму КГБ, куда поместили двух молодых диссидентов.

Аресты диссидентов в 70-е — начале 80-х годов уже перестали быть чем-то из ряда вон выходящим. Общество успело к ним привыкнуть, с тех пор как КГБ возглавил Юрий Андропов, объявивший войну всякому инакомыслию. Но далеко не всякий арест очередных диссидентов ставился на повестку дня заседаний Политбюро. «Дело Фадына — Кудюкина» стало редким исключением. Уже через день после ареста Андрея Фадына и Павла Кудюкина сам председатель КГБ проинформировал об этом своих коллег по Политбюро, изложив чекистскую версию их «дела». В чем причина столь «высокой чести», коей удостоились два молодых научных сотрудника ИМЭМО? И в чем конкретно обвинялись Андрей Фадин и Павел Кудюкин?

Сначала попытаемся ответить на второй вопрос, сопоставив две точки зрения — Юрия Андропова и Павла Кудюкина.

Из «Рабочей записи» закрытого заседания Политбюро ЦК КПСС от 8 апреля 1982 г., проходившего под председательством К.У. Черненко¹ (документ комментирует П.М. Кудюкин):

«На закрытом заседании Политбюро тов. Андропов Ю.В. проинформировал о положении с кадрами в Институте мировой экономики и международных отношений. Он доложил, что в результате тщательной проверки были получены сигналы об антисоветских настроениях научных сотрудников этого института Фадына Андрея Васильевича и Кудюкина Павла Михайловича — оба 1953 года рождения.

При проверке эти сведения получили полное подтверждение².

¹ На заседании Политбюро присутствовали: Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев, А.А. Громыко, Н.А. Тихонов, Д.Ф. Устинов, М.С. Соломенцев, И.В. Капитонов, В.И. Долгих, М.В. Зимянин, К.В. Русаков. Ксерокопия этого документа любезно предоставлена автору П.М. Кудюкиным, получившим его в бывшем архиве ЦК КПСС (ныне РГНИ) в начале 90-х годов.

² «Что это была за проверка, можно только догадываться. Несомненно, что, по крайней мере, с осени 1981 г. квартиры Фадына, Кудюкина, Хавкина и связанных с ними людей прослушивались и в ряде случаев неофициально обыскивались (с уверенностью могу говорить это о своей квартире), существовало также внешнее наблюдение»// Здесь и далее комментарии П.М. Кудюкина, составленные по просьбе автора. — П.Ч.

Из добытых по делу материалов установлено, что антисоветская деятельность этих лиц носит организованный характер¹ и что они вовлекли в свою группу ряд других ведущих враждебную работу лиц — Кагарлицкого, Зайченко, Хавкина и других.

Участники группы избегают личного общения, имеют псевдонимы, пользуются конспиративными приемами². В течение последних двух лет они систематически готовят и распространяют антисоветские журналы «Варианты», «Левый поворот», «Социализм и будущее» по 30—50 страниц машинописного текста каждый, размножают вредную и враждебную литературу, получаемую с Запада, располагают множительной аппаратурой и средствами фотокопирования³.

Фадин, Кудюкин и др. стремятся теоретически обосновать пути замены существующего в СССР строя так называемым «демократическим социализмом в интересах всех трудящихся»⁴.

В вопросах практической деятельности группа ставит задачу объединения разрозненных групп в единую организацию и обеспечения широкой связи с массами как в стране, так и за рубежом⁵. Предпочтение отда-

¹ «Формальной организации мы создать не успели, но с середины марта 1982 г. я и Ю. Хавкин начали готовить создание Оргкомитета Федерации демократических сил социалистической ориентации. Подпись Оргкомитета стояла под текстом обращения к Итальянской коммунистической партии в связи с обострившейся в тот период полемикой между ней и КПСС. Рукопись обращения была изъята у меня в ходе обыска 6 апреля 1982 г. Кто-то из следователей показал текст моей сестре — Марии Кудюкиной, в тот период аспирантке Института истории СССР АН СССР, с которой мы жили на одной квартире, с целью продемонстрировать, до чего я «докатился». Благодаря этому изложение текста дошло до московского корреспондента «Паэзе сера» и стало известно руководству ИКП». — П.К.

² «Естественно, это не относилось к давно знакомым между собой или связанным по работе людям, в других же случаях мы действительно старались минимизировать общение. Псевдонимы у нас были двух видов — литературные при публикациях и «оперативные». Так, я был для разных кругов конспиративного общения «Артемом», «Василием», «Свами», Фадин — «Негро» и «Глебом». Что касается конспиративных приемов, то мы пытались к ним прибегать, хотя, как показывает результат, не слишком успешно». — П.К.

³ «В 1977–1981 гг. вышли четыре выпуска «Вариантов», в 1979 г. — два выпуска журнала «Левый поворот», с августа 1980 по начало 1982, если не ошибаюсь, — около 12 (частично сдвоенных) номеров журнала «Социализм и будущее» по 30–50 страниц машинописного текста каждый. На самом деле объем у всех этих журналов был разный — от 15–20 страниц до 200. Основным средством размножения оставалась пишущая машинка, однако применялось и фотокопирование (самым обыкновенным «Зенитом»). — П.К.

⁴ «Мы с Фадиным были своего рода «центристами» в группе по отношению к более «правым» Хавкину и Чернецкому, которые самоопределялись как «социал-демократы» и к Кагарлицкому — «левому еврокоммунисту». При этом нашим с Андреем взглядам был свойственен еще и определенный «третьемирский» оттенок». — П.К.

⁵ «Речь идет о Федерации демократических сил социалистической ориентации и о возможности развития связей в молодежной среде, а также выходе на рабочих. У нас были определенные

ется нелегальной деятельностью, а диссидентское движение в СССР считается бесперспективным. Фадин, Шилков и Барановский допускают применение террористических методов борьбы для достижения своих целей¹. Редактор отдела издательства «Наука» Карпюк, принадлежащий к этой группе, в разговоре со своей близкой связью, которую он подвергал антисоветской обработке, цинично заявил, что КПСС — правящая элита, неспособная управлять обществом. У Кудюкина была обнаружена «Программа политической подготовки кадров»². Группа в своих программных разработках предусматривает активное использование легальных возможностей в рамках лекций общества «Знание», использование молодежных клубов, спортивных секций³.

Органами КГБ выявлено, что антисоветские взгляды у этих лиц начали складываться еще в период учебы в Московском университете и др. вузах⁴. Все они воспитывались в обеспеченных и здоровых семьях. Отец Фадина в прошлом работал в аппарате ЦК КПСС, родители Хавкина —

связи со Свободным межотраслевым объединением трудящихся (СМОТ), для одного из лидеров которого я написал «Программу экономической борьбы рабочего класса: ближайшие требования». За рубежом мы искали связей, естественно, не с «массами», а с левыми организациями. Определенные контакты были с польской «Солидарностью», некоторыми диссидентами в ГДР, с представителями Испанской социалистической рабочей партии, Португальской социалистической партии, левосоциалистических групп из ФРГ и Мексики). Мы отдавали предпочтение нелегальной деятельности по той причине, что «диссидентское», а точнее говоря — правозащитное движение, к началу 80-х гг. из-за изменения внешнеполитической ситуации (конец разрядки), по нашему мнению, во многом замкнулось в себе, став «самозащитным». — П.К.

¹ «Следователи усиленно пытались найти у нас хоть какие-то намеки на террор, идя даже на прямые подтасовки, однако не преуспели. В одном из наших документов прямо говорилось, что мы считаем индивидуальный террор неоправданным политически и недопустимым морально».

² «Речь идет о программе обучения по экономической теории, социологии и политологии, подготовленной мною». — П.К.

³ «Использование легальных возможностей проявлялось не столько в программных разработках, сколько в обсуждениях, а также в некоторых статьях. В последнем случае говорилось, в том числе с учетом польского опыта второй половины 70-х гг., о необходимости и возможности развития в СССР структур «гражданского общества». — П.К.

⁴ «С некоторой долей условности можно говорить о «кружке 242-й комнаты» (в Филиале Дома студента МГУ на Ломоносовском проспекте), куда кроме живших в этой комнате Г. Зайченко, О. Буховца, С. Карпюка и П. Кудюкина, входили А. Фадин, К. Барановский, Игорь Долуцкий, Олег Кудрявцев, Татьяна Ворожейкина, Николай Кабанов. Одним из наших деяний стала попытка в конце 2-го курса сформировать «левое» бюро ВЛКСМ на курсе, из этого получился только захват стенной газеты, выпуск которой в начале октября 1973 г. привел к исключению И. Долуцкого из комсомола и МГУ, получению Фадиным и мной по строгому выговору «с занесением». После исключения Долуцкого я и О. Буховец организовали сбор подписей в его защиту, за что я получил второй «строгач» (до сих пор не понимаю, как меня вообще не исключили), а Буховец, бывший членом КПСС, — партийный выговор с замечательной формулировкой: «действия заслуживают исключения из партии, но с учетом изменившейся обстановки ограничиться выговором». — П.К.

ведущие специалисты страны в области вакуумной техники, отец Кагарлицкого — доктор наук, профессор. Еще в период 1975–1979 гг. Фадин, Кудюкин и др. были профилактированы и предупреждены о недопустимости подобного поведения¹. Однако идейно не разоружились и перешли к конспиративным антисоветским методам.

КГБ имеет в виду в ближайшее время приступить к реализации дела и привлечению к уголовной ответственности наиболее активных граждан², а по остальным провести соответствующую профилактическую работу».

Как видим, ни в информации Андропова, ни в комментариях Кудюкина нет и намек на существование подпольной антисоветской организации в ИМЭМО. Ее там просто не было. Вся нелегальная деятельность двух молодых социалистов-сотрудников ИМЭМО проходила за пределами Института.

Единственным фактом, к которому оказались причастны два других сотрудника ИМЭМО, можно считать частную встречу (Кудюкин в ней не участвовал) А. Фадина и К.Л. Майданика с приехавшим в Москву руководителем компартии Сальвадора, которая в то время вела вооруженную борьбу против правящего в стране режима. Впоследствии выяснится, что весь разговор, состоявшийся на квартире Татьяны Ворожейкиной, тоже сотрудницы ИМЭМО, КГБ сумел записать на пленку. Как видно, даже руководители «братских» зарубежных компартий не были освобождены от слежки КГБ. В принципе в подслушанном чекистами разговоре не было ничего крамольного: речь шла о главным образом о стратегии и тактике сальвадорских коммунистов.

¹ «Этим утверждением Ю.В. Андропов выгораживает свое ведомство; единственный из нашей группы, кто получал официальное «предупреждение» — Кагарлицкий. Одновременно с этим предупреждением со мной беседовал капитан С. Трофимюк, «курировавший» ряд академических институтов, в том числе ИМЭМО; какие-то беседы подобного рода проводились и с Фадиным. По себе могу судить, что разговоры были столь бездарны, что никакой «профилактикой» назвать их нельзя». — П.К.

² «На самом деле уже 6 апреля 1982 г. были арестованы Б. Кагарлицкий, И. Кондрашев, П. Кудюкин, А. Фадин, Ю. Хавкин, В. Чернецкий, при этом Б. Кагарлицкий шел по отдельному делу, которое вело московское УКГБ, нами же занимался Следственный отдел центрального аппарата КГБ... Все обвинялись по части 1-й статьи 70-й УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда — от 2 до 7 лет заключения и от 1 до 5 лет ссылки как максимальное наказание). Предварительное следствие продолжалось до сентября 1982 г., в конце его Кудюкину, Ривкину, Фадину, Хавкину, Чернецкому было предъявлено дополнительное обвинение по статье 72-й УК РСФСР (организационная деятельность по созданию антисоветской организации). В начале января 1983 г. нам было вручено обвинительное заключение, подписанное Генеральным прокурором А. Рекуновым, на середину февраля был назначен суд. В качестве суда первой инстанции дело должен был рассматривать Верховный суд РСФСР, что делало невозможной апелляцию по приговору. В последний момент суд был отменен и дело возвращено «на доследование». На самом деле нам было предложено получить свободу в обмен на «раскаяние», причем сначала следователи пытались добиться, чтобы заявления о «раскаянии» были публичными, на что никто из нас не согласился». — П.К.

Среди прочего Фадин поинтересовался у их лидера: «Где гарантия, что после победы коммунистов в Сальвадоре не будет установлен режим сталинского типа?»¹. Наверное, в толковании чекистов даже такой вполне невинный вопрос мог быть оценен как антисоветское высказывание.

Хотя следствие и не получило доказательств существования в ИМЭМО антисоветской организации, установленные им факты косвенной причастности (в том числе и недонесения) отдельных научных сотрудников к деятельности Фадина и Кудюкина, проходившей за пределами Института, дали противникам Иноземцева удачную возможность ударить по нему и с этой стороны.

Из письма председателя КГБ В. Федорчука в ЦК КПСС от 28 июня 1982 г. «О ходе следствия по уголовному делу на Фадина, Кудюкина и др.»:

«<...> Антисоветские взгляды (Фадина и Кудюкина. — П.Ч.) были достаточно хорошо известны широкому кругу сотрудников ИМЭМО, таким, как зам. заведующего отделом, член КПСС Майданик К.Л. — непосредственный научный руководитель Фадина; доктор наук, член КПСС Шейнис В.Л.; научные сотрудники член комитета ВЛКСМ Иванова О.Ю., Ворожейкина Т.Е.; кандидат наук, судимый в 1958 г. сроком на восемь лет за организованную антисоветскую деятельность Чешков М.А., и многим другим. <...>

Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой и Скороходову² различную антисоветскую литературу для ознакомления. Указанные лица, зная об антисоветских настроениях Фадина и Кудюкина, не только не давали отпор их «воззрениям» и преступным действиям, но зачастую соглашались с изложенными в антисоветской литературе концепциями и по существу оказывали им моральную поддержку. <...>

Это свидетельствует о том, что становлению на преступный путь Фадина, Кудюкина и других в определенной мере способствовала также обстановка беспринципности и отсутствия должной политической бдительности среди сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

По имеющимся оперативным данным, о которых КГБ СССР в мае с.г. информировал МГК КПСС, в Институте имеют место существенные просчеты в подборе кадров, а также воспитательной работе. Низка трудовая дисциплина и требовательность к сотрудникам со стороны руководства и особенно заведующих отделов и секторов. Имели место нарушения в соблюдении сотрудниками правил работы с иностранцами, чем, как установлено, пользовались Фадин и Кудюкин.

¹ Цит. по: *Мирский Г.И.* Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 231

² Научные сотрудники ИМЭМО. — П.Ч.

Комитетом госбезопасности продолжаютя оперативно-следственные мероприятия, направленные на полное вскрытие преступной деятельности обвиняемых Фаина, Кудюкина и связанных с ними лиц.<...>¹.

Примерно через месяц после ареста Фаина и Кудюкина в Институт с проверкой нагрянула комиссия ЦК, МГК и РК КПСС, а также представителей от КГБ.

Из воспоминаний В.Н. Шенаева, тогдашнего секретаря парткома ИМЭМО:

«Многих поразило, что в связи с этим случаем была создана партийная комиссия по проверке работы ИМЭМО во главе с членом Политбюро первым секретарем Московского горкома партии В. Гришиным. В нее входил секретарь ЦК КПСС по идеологии М.В. Зиянин и руководящие работники аппарата ЦК КПСС, МГК и РК КПСС. Еще более удивительным было, что члены комиссии не сочли нужным поговорить с директором Института академиком Николаем Николаевичем Иноземцевым и секретарем парткома, которым в это время был я. Меня при этом лишь попросили освободить кабинет парткома, в котором расположилась комиссия, а ее члены вызывали к себе ведущих сотрудников Института для бесед, изучали личные дела. В Институте создавалась напряженная обстановка»².

Всем в ИМЭМО было ясно, что главной мишенью для грозной комиссии был директор Института академик Н.Н. Иноземцев, которого одновременно пытались скомпрометировать и по «делу Пухова». Параллельно комиссия намеревалась провести «зачистку» Института, убрав из него тех, кто вызывал подозрение у «компетентных органов». С мая 1982 г. в ИМЭМО развернулась настоящая «охота на ведьм». Многих сотрудников вызывали «на собеседования», по форме и содержанию больше напоминавших допросы, где интересовались не только тем, кого вызывали, но и его коллегами.

Назначение председателем проверочной комиссии члена Политбюро, Первого секретаря МГК КПСС Виктора Васильевича Гришина выглядело весьма необычно, породив версию о том, что именно он был организатором «дела ИМЭМО». Версия эта по меньшей мере спорна, учитывая, что нигде и никогда

¹ Этот документ (ксерокопия) предоставлен автору бывшим депутатом Государственной Думы Виктором Леонидовичем Шейнисом, который получил его в 1992 г. по депутатскому запросу от тогдашнего министра безопасности России В. Баранникова. Шейнису были переданы и некоторые другие документы КГБ СССР, относящиеся к «делу Фаина — Кудюкина». Сам В.Л. Шейнис говорит, что тогда, в 1982 г., он ничего не знал о нелегальной деятельности Фаина и Кудюкина, хотя их политические взгляды были ему известны. Он не отрицает и того, что иногда получал от Фаина для ознакомления какую-то литературу «там—» и «самиздата» (обмен «самиздатом» был обычным делом в интеллигентской среде). По этой причине, видимо, его и вызывали в качестве свидетеля на допросы в Лефортовский СИЗО КГБ. Надо сказать, что в КГБ знали Шейниса еще с 1956 г., когда он — тогда совсем еще молодой человек — открыто выступил с осуждением советской военной интервенции в Венгрии. С тех пор за ним тянулся «хвост» политической неблагонадежности.

² Из воспоминаний В.Н. Шенаева.

интересы Иноземцева не пересекались с интересами Гришина. Конечно, глава московской городской парторганизации не принадлежал к числу горячих поборников разрядки и сближения с Западом, но он не был замечен и в первой шеренге кремлевских «ястребов». Вопросы внешней, военной и даже экономической политики, в которые Иноземцев мог вмешиваться, как один из советников Брежнева, не входили в сферу интересов Гришина. В брежневском Политбюро он представлял Московскую партийную организацию и занимался преимущественно хозяйственными вопросами московского региона.

Когда в Агитпропе и в отделе науки ЦК КПСС фабриковалось «дело ИМЭМО», встал вопрос о том, кто же должен возглавить комиссию по проверке Института Иноземцева. Партийная организация ИМЭМО была частью московской парторганизации, будучи приписана к ее Севастопольскому райкому. Уже по этой причине проверка положения в Институте должна была осуществляться райкомом или горкомом партии. Но для райкома ИМЭМО был «не по зубам», учитывая, что его директор — член ЦК КПСС. Поэтому и решено было передать это дело на уровень МГК, а председателем комиссии назначить В.В. Гришина¹, чей статус члена Политбюро позволял закулисным режиссерам надеяться на реализацию поставленной цели — удаление Иноземцева с кремлевской политической кухни. С самого начала было ясно, что Гришин лично не будет вникать в партийно-чекистское расследование положения дел в ИМЭМО, а будет опираться лишь на предоставленные ему членами комиссии материалы. За все время работы возглавляемой им комиссии Гришин ни разу не удостоил ИМЭМО своим посещением, лишь просматривая изредка в своем кабинете на Старой площади подаваемые ему документы.

В связи с этим первостепенное значение приобретал вопрос о составе комиссии, куда под № 2 был включен секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин. Именно он направлял всю деятельность проверочной комиссии. Но и Зимянин действовал из-за кулис и не снисходил до поездок в ИМЭМО, предпочитая время от времени вызывать к себе «на ковер» интересующих его лиц, прежде всего Иноземцева. Наиболее активную роль в комиссии играл заведующий сектором экономических наук отдела науки ЦК М.И. Волков, давно точивший зуб на «ревизионистов» из ИМЭМО².

¹ «На мой взгляд, — считает М.М. Максимова, — Гришин занялся «делом Иноземцева» не по собственной инициативе, а по поручению Политбюро. У него лично, думаю, не было ничего против Иноземцева...»// Запись беседы с М.М. Максимовой.

² «Волков был для своего времени символической фигурой, — вспоминает хорошо его знавший В.А. Медведев, в 70-е годы работавший в отделе науки ЦК, а при Горбачеве входивший в Политбюро. — Не имевший серьезного экономического образования, он, к удивлению многих, по каналам Высшей партийной школы достиг высшей точки иерархии — стал руководителем сектора экономических наук. Этот человек не был способен ни на что другое, кроме как блюсти идеологическую дисциплину, поддерживать теоретическую чистоту. Его указания институтам, в которых сосредоточены были крупнейшие научные силы, в кулуарах вызывали лишь ироническую реакцию, усмешки, но дело было не до шуток: в руках этих людей были все рычаги управления, в том числе организационно-кадровые вопросы. Секрет могущества Волкова был прост — он состоял в род-

Неясно было другое: на кого в конечном счете ориентируется Виктор Васильевич Гришин — на влиятельных заказчиков «дела ИМЭМО» или на высоких покровителей Иноземцева?..

Не вполне понятна роль Ю.В. Андропова во всем этом деле, особенно с учетом его последующего поведения в отношении Иноземцева, о чем еще будет сказано. Ведь именно по итогам информации Андропова на Политбюро 8 апреля 1982 г. была сформирована комиссия по проверке ИМЭМО. Здесь, по всей видимости, необходимо принять во внимание одно важное обстоятельство, имеющее отношение лично к Андропову.

25 января 1982 г. умирает Михаил Сулов, «серый кардинал» и главный идеолог брежневского режима, долгое время обеспечивавший устойчивое равновесие в Политбюро. Его уход, положивший начало приснопамятной «пятилетке пышных похорон», имел значительные последствия для перегруппировки сил в высшем эшелоне власти. Сразу же встал вопрос о преемнике Сулова в качестве партийного идеолога, а по существу — о втором человеке в партии и возможном наследнике сходившего со сцены Брежнева. В результате сложных закулисных интриг на эту роль выдвинулся Юрий Андропов. Официально он займет пост секретаря ЦК КПСС лишь 24 мая 1982 г., а неофициально его переход из КГБ в ЦК был предрешен уже в феврале—марте 1982 г. Тогда же встал вопрос о назначении нового главы КГБ. На этот пост, вопреки желанию Андропова, предлагавшего кандидатуру своего заместителя Виктора Чебрикова, был назначен вызванный из Киева шеф украинского КГБ генерал В. Федорчук.

По существовавшим тогда и сейчас правилам, уходящий начальник обязан передать дела своему преемнику в полном порядке, желательно «без хвостов», чем и занялся Андропов весной 1982 г. Именно с этой точки зрения оценивает действия Андропова Игорь Бунин, известный теперь политолог, а тогда научный сотрудник ИМЭМО, работавший в одном отделе с Кудюкиным.

«Андропов давно был информирован о деятельности Фадиной и Кудюкиной, но не трогал их, считая, что все это не очень серьезно, — полагает Бунин. — Когда в мае 1982 года Андропов стал секретарем ЦК по идеологии, то перед уходом из КГБ он начал «расчищать площадку», т.е. завершать все текущие дела, которые накопились в его конторе. Среди прочего он приказал арестовать Фадину и Кудюкину, как бы сказав тем самым: я сдал дела Федорчуку в полном порядке, все кто надо арестованы, их дела доведены до следствия...»¹.

Данное объяснение роли Андропова в «деле ИМЭМО» представляется обоснованным, особенно учитывая, что до всей этой истории шеф КГБ вроде

ственных отношениях с Черненко, ему полностью доверял Трапезников. Это и позволяло держать экономические институты и учреждения под жестким контролем» // Медведев В. Указ. соч. С. 85.

¹ Запись беседы с И.М. Буниным.

бы неплохо относился к Иноземцеву. И все же одно дело дать приказ об аресте двух диссидентов, сотрудников ИМЭМО и совсем другое — доложить об этом на заседании Политбюро. Здесь до сих пор не все понятно¹.

Так или иначе, но в апреле 1982 г. «дело ИМЭМО» было запущено на полный ход. Наделенные чрезвычайными полномочиями комиссары ЦК—МГК—РК—КГБ, трудились в Институте не покладая рук. Члены комиссии настойчиво и последовательно пытались вбить клин между Дирекцией и парткомом с очевидной целью изолировать Иноземцева, лишить его поддержки со стороны партийной организации. Они старательно выискивали крамолу в опубликованных и подготовленных к изданию трудах, изучали планы научно-исследовательских работ, допрашивали интересующих их сотрудников Института. Особо пристальное внимание уделялось кадрам: выявляли «неблагонадежных», выясняли, кто и каким образом попал в ИМЭМО, за кем имелись идеологические и иные прегрешения, и с повышенным вниманием интересовались — каков процент евреев на руководящих постах (завсекторами и завотделами) и в общем списке сотрудников Института...

С пристрастием допрашивались члены Дирекции Института во главе с академиком Иноземцевым. Об одном из таких «допросов» вспоминает присутствовавшая на нем М.М. Максимова. *«Почему Институт ослабил теоретические разработки марксистской политэкономики? Почему мало разоблачаются монополии и американский империализм? Почему Институт защищает разрядку, которая провалилась?»* — настойчиво интересовались члены комиссии.

*«Хорошо помню, — пишет М.М. Максимова, — как Николай (Иноземцев. — П.Ч.) еле сдерживал себя, чтобы не выставить непрошенных гостей за дверь. Он был бледен, молчал. В конце сказал, что выбор приоритетов научных исследований — прерогатива Института и диктуется потребностями страны, а не представлениями отдельных партработников, какой бы ранг они ни имели»*².

Иноземцев пытался защищаться, спасая престиж Института и собственную репутацию. Известно, что по крайней мере дважды он ездил в ЦК к Андропову, занявшему место умершего Сулова. Когда в ИМЭМО уже работала комиссия, ему удалось договориться с МИД СССР (скорее всего с Г.М. Корниенко, Первым заместителем министра, а возможно, и с самим А.А. Громыко)

¹ По свидетельству П.М. Кудюкина, 6 апреля 1982 г. КГБ арестовал не только их с Фадиным, но и еще более 150 активных диссидентов как в Москве, так и в других городах СССР. Если эта информация соответствует действительности, тогда можно говорить о широкомасштабной операции уходящего главы КГБ, желавшего избежать возможных упреков в том, что он оставил своему преемнику «расстроенное наследство» в виде разгуливающих на свободе «антисоветских элементов». Тем не менее Андропов почему-то проинформировал Политбюро не обо всех арестах, а лишь об аресте двух сотрудников ИМЭМО и некоторых связанных с ними лицах из других учреждений, а сама информация Андропова начиналась с настораживающих слов *«о положении с кадрами в Институте мировой экономики и международных отношений»*. Здесь, как и во всем, что связано с ролью Андропова в «деле ИМЭМО», много неясностей.

² Из послесловия М.М. Максимовой к кн.: *Иноземцев Николай*. Цена победы в той самой войне. Фронтальной дневник. М., 1995. С. 314.

о проведении в мидовском пресс-центре встречи советских и иностранных журналистов с руководством Института мировой экономики и международных отношений. Эта встреча, для которой как будто бы не было никакого очевидного повода, состоялась 4 мая 1982 г. под председательством заместителя заведующего отделом печати МИД СССР Б.И. Ильичева. Академик Н.Н. Иноземцев ознакомил журналистов с историей Института и дал обзор основных направлений его работы, сделав акцент на тесном взаимодействии ИМЭМО с рядом министерств и ведомств (МИД, МВТ, Госплан СССР и др.), а также с международными организациями и зарубежными научными центрами. Иноземцев представил советским и иностранным журналистам последние публикации, подготовленные в ИМЭМО. Во встрече участвовали заместители директора ИМЭМО — О.Н. Быков, И.Е. Гурьев, И.Д. Иванов, В.А. Мартынов, ученый секретарь Института А.П. Огнев и секретарь парткома В.Н. Шенаев, одновременно заведовавший отделом Западной Европы¹. Судя по всему, информация о неприятностях, переживаемых в тот момент Институтом, еще не успела стать достоянием журналистского сообщества. Во всяком случае Иноземцеву и его ближайшим сотрудникам не было задано ни одного неделикатного вопроса о том, что происходит в ИМЭМО, помимо собственно научного процесса. На следующий день центральные газеты поместили на своих страницах информацию о встрече руководства ИМЭМО с журналистами в пресс-центре МИД СССР. Сам факт такой публикации должен был показать, что с Институтом все в порядке, он по-прежнему пользуется благоволением инстанций. Именно это и имел в виду академик Иноземцев, устраивая встречу с журналистами в разгар работы у него в Институте проверочной комиссии.

Откровенно пристрастная деятельность комиссии, изучившей, помимо прочего, личные дела чуть ли не всех 900 сотрудников ИМЭМО, растянулась на несколько недель. За это время были выявлены «пособники» Фадина и Кудюкина и прочие «неблагонадежные элементы», с которыми Дирекции и парткому будет предложено разобраться.

Обе эти истории — «дело Пухова» и «дело Фадина — Кудюкина» — серьезно подорвали здоровье Иноземцева. В начале 70-х годов у него уже были проблемы с сердцем. Теперь, спустя десять лет, Иноземцев вновь оказался в кардиологическом отделении ЦКБ на Мичуринском проспекте. Выйдя оттуда, он вынужден был в конце июня 1982 г. давать объяснения по результатам работы комиссии. О том, как это происходило, свидетельствует сопровождавший Иноземцева в ЦК тогдашний секретарь парткома Института В.Н. Шенаев.

Из воспоминаний члена-корреспондента РАН Владимира Никитовича Шенаева:

«После завершения работы партийной комиссии ЦК КПСС был подготовлен документ на 8 страницах для публикации в газете “Правда”. Я думаю, что не нужно пояснять, что означало для директора и секретаря

¹ Стенограмма встречи сотрудников ИМЭМО АН СССР во главе с академиком Н.Н. Иноземцевым с советскими и иностранными журналистами в пресс-центре МИД СССР 4 мая 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН.

парткома Института появление в газете “Правда” публикации с негативной оценкой работы Института. Таким образом, я подхожу к тому дню, когда Николая Николаевича и меня пригласили в отдел науки ЦК КПСС, причем заранее даже не объяснив в связи с чем, хотя мы, безусловно, догадывались, что вероятно с завершением работы партийной комиссии.

Приехав в 10 часов в отдел науки ЦК КПСС, мы были приглашены в кабинет заведующего сектором отдела Волкова Михаила Ивановича. В кабинете уже находились второй секретарь Севастопольского РК КПСС Пономарев и наш куратор Матвеев. Михаил Иванович Волков объявил нам, что работа партийной комиссии завершена и нас знакомят с ее выводами. После этого он взял в руки 8 страниц текста, чтобы их зачитать. Естественно, что мы попросили самим прочитать этот текст, чтобы лучше вникнуть в его содержание. Однако, услышали то, что нас очень поразило, ибо мы находились в руководящем органе нашей партии, и Николай Николаевич был членом ЦК КПСС, и все присутствующие нас хорошо знали, и, как нам казалось, были с нами в дружеских отношениях. Однако видно было, что все очень напряжены, холодны к нам и не желали говорить.

М. Волков сказал, что они уполномочены (кем, он не сказал) нас проинформировать устно (это слово он особенно подчеркнул). Нам ничего больше не оставалось, как воспринимать этот важный документ, над которым несколько месяцев работала такая авторитетная на слух по чинам комиссия.

Первая страница не вызывала у нас возражений, ибо речь шла о важных проблемах, которые исследует Институт. Однако уже со второй страницы пошли недостатки, которые нельзя было иначе характеризовать, как обвинительный приговор. Мне трудно сейчас по прошествии 20 лет все точно воспроизвести, но некоторые “выводы” следует назвать. ИМЭМО обвинялся в провале на идеологическом фронте, ибо утверждалось, что Институт “хвалят враги”, что Институт якобы сознательно дезинформировал руководство в оценке международного положения. Большие недостатки были “обнаружены” в кадровой политике, в частности “засоренность сионистскими элементами”, в плохой подготовке молодых кадров через аспирантуру. Утверждалось, что почти 90% не заканчивают ее.

Я посмотрел на Николая Николаевича и заметил, что лицо его бледнеет, взгляд тускнеет. Когда Михаил Иванович Волков закончил чтение указанного документа, Николай Николаевич обратился к нему и спросил: «Нужно ли нам сейчас давать оценку тому, что мы услышали?». Волков как бы ждал этот вопрос и сразу ответил: «Нет-нет, конечно в другом месте. Сейчас вас проводят в другую комнату, и подождите там, пока вас не вызовут». После этого нас провели в свободную комнату и оставили одних. Я должен признаться, что такого Николая Николаевича я видел впервые. Он был подавлен, скрывал возмущение, некоторое время молчал, но потом, увидев телефон, попросил меня позвонить заведующему аспирантурой Г. Вишне (я подумал, что он хотел проверить вообще, работает ли телефон). И попросил, чтобы он прочитал справку, на которую была ссылка в документе.

Я позвонил, и Г. Вишня сказал, что в справке было указано, что свыше 90% абитуриентов завершают аспирантуру успешно и в срок. Следовательно, в документе, который нам зачитали, был просто вопиющий подлог. Мы убедились, что все другие выводы были сделаны таким же образом. Николай Николаевич достал таблетку нитроглицерина и проглотил уже вторую (перед тем как войти в кабинет Волкова он уже принял одну). После этого Николай Николаевич сник и замолчал. Мы сидели молча до прихода за нами. Никто нас не беспокоил, так продолжалось около часа. Наконец дверь открылась, и нам сказали, что нужно идти. Нас повели каким-то странным полуподвальным путем, но вскоре мы оказались в приемной Гришина. Там уже были члены партийной комиссии, если мне память не изменяет, то стояли они по три человека. Мы поздоровались, но ответа я не помню, как мне кажется, все молчали. Я решил даже пошутить и сказал, что нам не хватает третьего. Никто не прореагировал, и все молчали. Николай Николаевич оглядел приемную и двинулся к стулу, который стоял в углу. Сел на него и опять, уже в третий раз, принял таблетку нитроглицерина. Вид у него был очень невзрачный, во всяком случае, я такого его раньше не видел.

Через несколько минут в приемную вошел М.В.Зимянin, кивнул нам всем и прошел в кабинет Гришина. Обстановка была как перед каким-то очень важным событием. Прошло еще минут 15—20, после чего дверь кабинета Гришина открылась, и нас пригласили войти. Гришин поздоровался с нами и предложил сесть за стол. Так получилось, что Николай Николаевич сидел напротив меня и справа от Гришина. Чувствовалось, что он делает усилие над собой, чтобы выглядеть нормально и спокойно. Виктор Васильевич начал с того, что поскольку мы знакомы с документом, то ждет его оценки со стороны Николая Николаевича. Иноземцев сделал небольшую паузу и сказал, что с оценкой деятельности ИМЭМО комиссией он не согласен. После этого наступила пауза, которая явно затягивалась, но он продолжал молчать. Я понял, что он просто не может говорить. Это видимо понял и Гришин, и чтобы разрядить обстановку сказал: «В таком случае, слушаем вначале секретаря парткома». Я почувствовал какой-то прилив внутренней энергии, видя плохое самочувствие Николая Николаевича, и понял, что она должна выйти наружу.

Стараясь быть спокойным, я начал с того, что партийная организация целиком и полностью поддерживает деятельность дирекции, и выводы комиссии не соответствуют действительности. После этих слов Михаил Васильевич Зимянin громким окриком в мой адрес произнес: «Кто ты такой, чтобы давать оценку?». Я сдержался, но, обратясь к Гришину, сказал: «Я буду говорить конкретно о выводах, но по памяти, ибо нам документ не дали в руки, а лишь зачитали по какому-то указанию. И я могу не точно восстановить формулировку». Гришин встrepенулcя, и на его лице было выражение удивления. Меня это вдохновило, и почти по каждому принципиальному выводу, который я вспоминал, давал пояснения. Гришин слушал и одновременно читал документ, делая какие-то пометки на страницах текста. Я понял, что он заранее его не читал. Меня он не останавливал.

Я видел, как нервничал Михаил Васильевич Зимянин. У меня возникла мысль, что нужно как-то вызвать поддержку присутствующих. Например, когда я возражал утверждению, что мы давали положительные характеристики сотрудникам на выезд за границу, якобы недостаточно ответственно и продуманно, то я обращал свой взор к секретарю райкома и говорил, что он может высказаться по этому поводу, поскольку утверждал каждую характеристику, принятую парткомом. В такой же форме я возражал выводам по вопросам идеологии, подбору кадров, направлениям исследований, которые мы всегда обсуждали и находили поддержку у сотрудников отдела науки ЦК КПСС. К сожалению, они сидели и молчали, как будто в рот набрали воды, видимо боясь начальства.

Припоминаю еще один важный момент, когда М.В. Зимянин, слушая мои возражения, поднялся и прокричал: «Тебе это так не пройдет. Мы тебя вызовем на ближайшее заседание бюро горкома». Вид у него при этом был такой, что можно было понять, что именно он был больше всего заинтересован в разгроме ИМЭМО, возглавлявшемся Николаем Николаевичем.

Поскольку больше никто не выступал, то Гришин начал свое заключение с замечаний по тексту документа, на что я обратил внимание. Глядя на М.В. Зимянина, он постранично призывал учесть высказанные замечания секретаря парткома, приводя при этом конкретные страницы и выводы, к которым относились мои возражения. Наконец он сказал, что этот документ требует доработки, нужно дать его Николаю Николаевичу, чтобы он в течение пары недель поработал над ним, внес свои формулировки и необходимо учесть его замечания. Зимянин что-то говорил Гришину о необходимости все же сейчас принять этот документ, но Гришин твердо сказал, что заседание закончено и все свободны.

Выходя из кабинета Гришина, я увидел, как он подошел к Николаю Николаевичу, взял его за плечи и подвел к окну. Я ждал выхода Николая Николаевича из кабинета. Через несколько минут он вышел, и настроение у него было гораздо лучше, так что нитроглицерин ему больше не потребовался. Мы подошли к лифту, нажали на кнопку и стали ждать кабину.

В этот момент ко мне подошел второй секретарь РК КПСС Пономарев и начал со слов: «Что ты наделал? Разве я тебе не говорил, как нужно себя было вести?», на что я ответил, что вел себя так, как считал нужным. Тогда он обратился к Николаю Николаевичу и сказал: «Разве Шенаев был прав?». На что уже пришедший в себя Николай Николаевич ответил: «Не путай себя с ним. Он доктор наук, профессор. Даже если вы исключите его из партии, он не пропадет». В это время открылась кабина лифта. Мы вошли в нее, оставив Пономарева с недоумением на лице. Николай Николаевич сказал, что завтра начнем работать над документом.

Какой напрашивается вывод из этого?

Во-первых, то, что документ не был опубликован ни на другой день, ни вообще.

Во-вторых, стало ясно, кто его инициатор.

В-третьих, можно было предположить, с какой целью он был задуман.

Работа над документом началась в спокойной обстановке, и Николай Николаевич вошел в обычную колею. Он был прекрасный редактор, и особенно в шрифтовке формулировок. <...> На наших глазах документ превращался в объективную оценку деятельности ИМЭМО. При этом Николай Николаевич постоянно говорил, что нужно сохранить все, что только можно было сохранить, хотя это и не всегда отражало объективную деятельность ИМЭМО. Я, безусловно, соглашался с его формулировками текста, удивляясь способности придавать ему нужное направление, менявшее оценку, которая не вытекала из представленного текста. Я помню, что лишь однажды, когда он хотел оставить одно из обвинений в адрес дирекции, считая его не так уж важным, я возразил принципиально, сказав, что партком это не поддержит. Николай Николаевич, задумавшись, согласился со мной, и текст был приведен в соответствие с объективными обстоятельствами дела. Когда мы закончили работу над представленным текстом, внеся в него поправки и направив его в ЦК КПСС, то нам больше не пришлось над ним работать. В той форме, которую он приобрел, документ, видимо, уже не интересовал инициаторов создания комиссии по оценке работы Института, и публикация не состоялась.

В связи с этим у меня был интересный разговор с новым директором (после смерти Николая Николаевича Иноземцева) Александром Николаевичем Яковлевым. Он мне сказал, что ознакомился с выводами партийной комиссии и не понимает, почему мы так возражали, документ не плохой. Я сказал Александру Николаевичу, что он читал не тот текст, который нам зачитывали, а текст, который был отредактирован и с которым мы тоже согласны»¹.

Приведенное свидетельство Шенаева, среди прочего, не подтверждает мнение о Гришине как главном преследователе Иноземцева. Разве может «прокурор» доверить «обвиняемому» готовить текст «обвинительного заключения»? Здесь, скорее, просматривается сочувствие Гришина к Иноземцеву, чего никак не скажешь о Зимянине и Волкове, намеревавшихся продолжать раскручивать «дело ИМЭМО».

Другой вопрос: чем было вызвано такое поведение Гришина — чисто человеческим сочувствием или каким-то дальним расчетом?.. Думается, здесь могло быть и то и другое.

Не исключено, что это было связано с «фактором Андропова». Как уже говорилось, в конце мая 1982 г. Андропов занял второй по значению пост в высшем партийном руководстве. Он стал главным идеологом партии и в этом качестве начал контролировать деятельность Академии наук СССР и ее институтов. Под особым надзором Андропова, как ранее у Суслова, были институты гуманитарного («идеологического») профиля, к каковым относился ИМЭМО. Можно предположить, что в своем новом амплу идеолог Андропов уже не был, как прежде, заинтересован в раздувании «дела ИМЭМО», в дове-

¹ Из воспоминаний В.Н. Шенаева.

дении его до логического завершения, т.е. до «оргвыводов» в отношении Дирекции, парткома и лично академика Иноземцева¹. Иначе как понять неожиданный обнадеживающий телефонный звонок Андропова Иноземцеву...

К сожалению, М.М. Максимова не может точно вспомнить, когда именно Андропов позвонил ее мужу — до вызова Иноземцева к Гришину и Зимянину или сразу же после. Но она помнит совершенно точно, что Андропов обнадежил пребывавшего в угнетенном состоянии Иноземцева, незадолго до того выписанного из ЦКБ. *«Я не могу сейчас вспомнить, когда именно Иноземцеву позвонил Андропов? — говорит Максимова. — Андропов позвонил и сказал: «Ты не волнуйся, поезжай отдыхать, а мы все это дело решим»². «Иноземцев сразу же повеселел, — продолжает Максимова. — До этого он был в очень неважном состоянии, — наверное, как никогда до того... После звонка Андропова он воспрянул, совершенно изменился, за последние две недели выглядел лучше, был полон новых планов. Он стал приглашать к себе друзей и близких сотрудников — Примакова, Шенаева, других, — давал задания...»³.*

Судя по всему, Иноземцев обращался к Андропову еще в мае 1982 г. Отвечая на обвинения проверяющей его Институт комиссии в серьезных упущениях в кадровой политике, Иноземцев справедливо отвечал, что он не в состоянии контролировать умонастроения отдельных своих сотрудников, оказавшихся диссидентами, и вообще это не входит в функции директора и даже парткома.

14 мая 1982 г., заручившись согласием президента АН СССР А.П. Александрова, он обратился в ЦК КПСС с просьбой ввести в Институте штатную должность «эксперта по вопросам безопасности», который отвечал бы за политические умонастроения в научном коллективе⁴.

Отдел науки ЦК КПСС, куда обратился Иноземцев, переадресовал письмо вышестоящему начальству — Андропову и Зимянину⁵, после чего Иноземцев обсуждал этот вопрос непосредственно с Андроповым. Забегая вперед, можно отметить, что вопрос был решен положительно. КГБ направит в ИМЭМО сво-

¹ Этой же точки зрения придерживается и И.М. Бунин, полагающий, что по мере своего восхождения к вершинам власти Андропов утрачивал собственно чекистскую мотивировку в своих действиях, в частности в «деле Фадиной–Кудюкина», о чем еще будет сказано (запись беседы с И.М. Буниным). Что касается Иноземцева, то он, судя по всему, вернул себе прежнее расположение Андропова, как только «борец с коррупцией» понял, что академика пытались ошельмовать его недруги, сфабриковавшие «дело Пухова». Сколь далеко могло пойти проявленное в телефонном разговоре благорасположение Андропова к Иноземцеву — об этом мы уже никогда не узнаем. — П.Ч.

² Судя по тому, что Иноземцев написал заявление об очередном отпуске 12 июля 1982 г., его телефонный разговор с Андроповым, по всей видимости, состоялся в последних числах июня или в самом начале июля месяца.

³ Запись беседы с М.М. Максимовой.

⁴ Это письмо сохранилось в бывшем архиве ЦК КПСС. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 164. Л. 3.

⁵ «Решение указанного вопроса входит в компетенцию Комитета государственной безопасности СССР», — говорилось в письме, подписанном заместителем заведующего отделом науки ЦК КПСС Р. Яновским // Там же. Л. 4

его представителя, получившего должность помощника директора Института по безопасности и режиму. Правда, произойдет это уже после преждевременной кончины академика Иноземцева¹.

По-видимому, Иноземцев обсуждал с Андроповым и другой вопрос — о переводе ИМЭМО из «попечительства» райотдела КГБ в ведение «главной конторы» — т.е. центрального аппарата КГБ². Этот вопрос также был решен уже после смерти Иноземцева.

Несмотря на, казалось бы, ясно выраженную в телефонном разговоре поддержку Иноземцева, трудно со всей определенностью сказать, каковы были планы Андропова в отношении директора ИМЭМО и были ли они вообще. Видел ли будущий генсек Иноземцева в своей команде? Предполагал ли выдвинуть его на более ответственный пост или намеревался лишь оградить от дальнейших нападков, сохранив за Иноземцевым неофициальный статус советника, как это произошло с Г.А. Арбатовым, который, несмотря на давнее и близкое знакомство с Андроповым, не продвинулся при нем по иерархической лестнице. Никто этого не знает.

Тем не менее можно предположить, что одной из причин, по которой Гришин не хотел «добивать» Иноземцева, могла быть выраженная Андроповым в той или иной форме симпатия к директору ИМЭМО.

Как уже говорилось, друзья Иноземцева (Г. Арбатов, Е. Примаков, А. Бовин и др.) выражали недоумение в связи с тем, что Николай Николаевич упорно отказывался прибегнуть к заступничеству Брежнева, который, по их убеждению, не дал бы его в обиду.

По всей видимости, враги Иноземцева точно знали, куда бить. Фронтовик, патриот, ученый, наконец, просто честный человек — он оказался совершенно беззащитным перед клеветническими слухами о его нечистоплотности при строительстве дачи. Думается, что эта клевета ранила его тяжелее, чем даже политические нападки на Институт.

Когда-то Стендаль верно подметил, что бегство от клеветы — это всегда гибель репутации. Наверное, и академик Иноземцев считал для себя унижительным оправдываться в том, в чем он не был виновен и в чем, кстати, формально его и не обвиняли — лишь распускали слухи...

¹ Эту должность, вплоть до ее упразднения в 1991 г., занимал полковник Смирнов Ким Иванович, ветеран Великой Отечественной войны, кадровый сотрудник контрразведки, имевший опыт заграничной работы в качестве офицера безопасности в советских посольствах в зарубежных странах. Именно на полковника Смирнова был возложен чекистский контроль за кадрами, включая такие вопросы, как прием на работу и выезды сотрудников в зарубежные командировки или в туристические поездки. По свидетельствам двух преемников Иноземцева — А.Н. Яковлева и Е.М. Примакова, полковник Смирнов, оказавшийся спокойным, трезвомыслящим человеком, сыграл в Институте положительную роль. С одной стороны, он «прикрывал» ИМЭМО от непрекращавшихся нападков его недоброжелателей, а с другой — способствовал заметному сокращению списка «не выездных» сотрудников, беря на себя персональную ответственность.

² Иноземцев считал, что переход под непосредственный надзор центрального аппарата КГБ обезопасит Институт от мелких интриг районного и городского партначальства.

К Брежневу Иноземцев так и не пошел, на наветы анонимных клеветников не реагировал, а на обвинения проверочной комиссии отвечал более чем лаконично, без свойственной ему напористой уверенности. Все видели, что он надломился, но никто не думал, что дело идет к роковой развязке.

После визита к Гришину и телефонного звонка Андропова настроение Иноземцева, как уже говорилось, резко поменялось. К нему возвращались прежняя энергия и интерес к жизни. Он решил воспользоваться советом Андропова — взять отпуск и хорошенько отдохнуть, сначала на своей подмосковной даче, а потом в Грузии, где его дважды избирали депутатом Верховного Совета СССР.

12 июля Иноземцев подает в Президиум АН СССР заявление следующего содержания:

«Прошу считать меня в очередном отпуске с 19 июля по 10 сентября 1982 г. включительно (47 рабочих дней). С вице-президентом академиком Федосеевым П.Н. и с Отделением экономики АН СССР вопрос согласован. На время моего отпуска исполнение обязанностей директора Института возложить на заместителя директора, доктора экономических наук Иванова И.Д. по 14 августа 1982 г. включительно, а с 16 августа 1982 г. на заместителя директора Института, доктора исторических наук Быкова О.Н.»¹

Согласие Президиума Академии наук было получено, и 19 июля Иноземцев перебрался на дачу, где с удовольствием начал перечитывать «Историю России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Здесь, на даче, 26 июля его навестил В.А. Пухов, сообщивший о прекращении уголовного дела о «хищении государственного имущества в Институте мировой экономики и международных отношений». Все складывалось к лучшему. Можно было с надеждой смотреть в будущее². И в этот самый момент долгожданного расслабления, когда все худшее, казалось, остается позади, у Иноземцева отказало сердце.

Из воспоминаний М.М. Максимовой:

«Был он в последние дни перед кончиной в очередном отпуске, проводил его на своей любимой подмосковной даче. Среди высоких сосен и елей, среди посаженных им кленов, орешников, рябин. Любил он природу бесконечно. На ней он отдыхал от мучивших его в последние годы раздумий, работая в саду,

¹ Личное дело Н.Н. Иноземцева // Архив ИМЭМО РАН.

² «В начале августа 1982 года вечером он позвонил мне домой по телефону, — вспоминает член-корреспондент РАН В.Н. Шенаев. — Вначале он сказал, что только что ему привезли билет на самолет, и он собирается лететь в Грузию (его жена Маргарита Матвеевна Максимова находилась в это время в научной командировке). После чего он мне сказал следующее: «Володя, дела у нас идут хорошо, но нам предстоит большая работа в сентябре. Единственное, что меня огорчает, и что я только что узнал, — что один из моих замов меня продал и предал». Фамилию он не назвал, ибо был уверен, что я знаю, о ком идет речь, а для меня было не важно, ибо по его возвращении в сентябре все всем будет ясно» (из воспоминаний В.Н. Шенаева).

часто вместе со своим другом, тоже фронтовиком, бывшим майором Романом Татарским, с которым был знаком более 30 лет. С ним ему было легко, непринужденно и, главное, весело. Вспоминали молодые годы, походы, приключения, не надо было думать о делах, о политике...

В тот роковой день встал рано, работал в саду, пересаживал молодые деревца, принесенные им из леса. А к вечеру пошел тропинкой к своей маленькой рубленой на деревенский лад баньке, что стоит в дальнем углу участка. Дымок поднимался из трубы, хотел подложить еще дровишек. Но... не дошел. Упал за пять метров до крыльца, у березы (берез не любил — напоминали военные кресты), успев повернуть лицо уходящему солнцу. Смерть наступила мгновенно. Врачи потом напишут: обширный инфаркт миокарда. Все, конец»¹.

Это случилось на исходе дня 12 августа 1982 г. Первым, кто обнаружил Иноземцева лежащим на траве, был его сосед по даче академик Олег Тимофеевич Богомолов, директор Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Именно с ним Иноземцев готовился попариться в своей баньке...

Похоронили академика Иноземцева 17 августа на Новодевичьем кладбище со всеми подобающими почестями. Среди моря цветов и множества венков был и венок от семьи Л.И. Брежнева. Сам генсек в это время отдыхал в Крыму. В связи с периодом отпусков высокого начальства в Москве не оказалось. На гражданской панихиде, проходившей в конференц-зале АН СССР, помимо руководителей Академии наук, были замечены только секретарь ЦК КПСС К.В. Русаков и член ЦК, Г.М. Корниенко, исполнявший тогда обязанности министра иностранных дел СССР. Все центральные газеты поместили некролог, подписанный Л.И. Брежневым, другими членами Политбюро, деятелями науки и культуры². Среди подписавших был и секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин...

Исполняющим обязанности директора ИМЭМО был назначен доктор экономических наук Владлен Аркадьевич Мартынов, один из заместителей покойного Иноземцева. Почти год он руководил текущей работой Института — до тех пор, пока не назначили нового директора. Все это время, как говорит В.А. Мартынов, он старался восстановить в Институте «атмосферу доброжелательства и творческого поиска»³.

«Охота на ведьм»

Неожиданная смерть Иноземцева должна была озадачить организаторов направленной против него кампании, в значительной мере лишив ее первоначального замысла. «После смерти Иноземцева, — утверждает И.М. Бунин, —

¹ Из Послесловия М.М. Максимовой к книге: *Иноземцев Николай*. Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник. М, 1995. С. 315.

² Правда, 16.08.1982.

³ Из воспоминаний академика В.А. Мартынова.

в ЦК утратили нездоровый интерес к ИМЭМО»¹. В какой-то степени это так, но все же не совсем, иначе трудно объяснить не ослабевавшее и после 12 августа 1982 г. давление на Институт. Скорее всего, после 12 августа «дело ИМЭМО» утратило прежний интерес лишь для тех, кто опасался роста влияния Иноземцева или видел в нем конкурента.

Но были и *другие* — те, кто хотел примерно наказать «ревизионистов» и «агентов влияния мирового империализма» и в целом ужесточить идеологический контроль за научной интеллигенцией, сосредоточенной в гуманитарных академических институтах и на вузовских кафедрах. Эти *другие* находились прежде всего в отделе науки и вузов ЦК КПСС. Для партийных чиновников от науки «дело ИМЭМО» отнюдь не завершилось смертью академика Иноземцева. Напротив, обезглавленный и беззащитный Институт представлялся им теперь совсем легкой добычей.

Расправа с «ревизионизмом» и инакомыслием в ИМЭМО должна была послужить угрожающим предостережением для Института США и Канады, Института экономики мировой социалистической системы, Института международного рабочего движения, Института востоковедения и других академических институтов, где всегда существовала относительная свобода мысли и слова. Не случайно после смерти Иноземцева на роль главного борца «с крамолой» в ИМЭМО совершенно открыто выдвинулся Михаил Иванович Волков, заведующий сектором экономических наук отдела науки ЦК КПСС, куратор всей экономической науки в СССР. Все знали, что за ним стояли Зимянин и Трапезников. Его родство с К.У. Черненко (они были женаты на родных сестрах) придавало занимаемой им должности дополнительный вес. С Волковым считались, его побаивались, к его «рекомендациям» прислушивались.

Еще в ходе проверки ИМЭМО Волков давал самые жесткие установки Дирекции и парткому, побуждая их к кадровой чистке, т.е. к изгнанию из Института всех, на кого имелся соответствующий компромат. *«Тактика Иноземцева заключалась в том, — вспоминает И.М. Бунин, — чтобы минимизировать потери, сдать все то, что он не может сохранить, но ограничиться партийными выговорами тем своим сотрудникам, которых он ценил, но кто, так или иначе, оказался связанным с «делом Фадына — Кудюкина»*². Речь шла прежде всего о четырех ведущих сотрудниках ИМЭМО — Киве Львовиче Майданике, Георгии Ильиче Мирском, Германе Германовиче Дилигенском и Кирилле Георгиевиче Холодковском.

В наихудшем положении оказался К.Л. Майданик, которому первоначально инкриминировали лишь факт научного руководства арестованным КГБ Андреем Фадиным. Данное «прегрешение» с трудом тянуло разве что на партийное взыскание. Однако почтенному ученому-латиноамериканисту вскоре предъявили более серьезные обвинения. Следствие по «делу Фадына — Кудюкина» утверждало, что Майданик был в курсе умонастроений сво-

¹ Запись беседы с И.М. Буниным.

² Там же.

его ученика и во многом их разделял. «Жучок», установленный КГБ на квартире, где Фадин встречался с лидером компартии Сальвадора, бесстрашно зафиксировал участие в этой встрече Кивы Львовича Майданика, а сама встреча проходила на квартире младшего научного сотрудника ИМЭМО Татьяны Евгеньевны Ворожейкиной, другой ученицы Майданика. Чекисты предоставили эту информацию в распоряжение проверочной комиссии, потребовавшей исключить Майданика из партии и уволить его из Института, где он занимал должность главного исследователя — руководителя проблемной группы.

Вторым человеком, на которого пал указующий перст комиссии ЦК— МГК— РК—КГБ, оказался профессор Г.И. Мирский. Его прегрешение заключалось в том, что он имел несчастье быть заведующим отделом экономики и политики развивающихся стран, в котором работали арестованный Фадин, а также проходившие по его делу свидетелями К.Л. Майданик и Т.Е. Ворожейкина — все сотрудники этого отдела. Мирский не имел никакого представления о роде занятий Фадина или Ворожейкиной за пределами Института. Тем не менее встал вопрос о снятии его с заведования отделом и привлечении к партийной ответственности за утрату бдительности в подборе и расстановке кадров.

Из воспоминаний Георгия Ильича Мирского:

«В глазах Иноземцева — напряженность и тревога. «Пойми, — говорит мне директор института, — я был вчера у Гришина, и он мне сказал: «Вы ведь понимаете, Николай Николаевич, как мне тяжело — ведь это случилось в моей партийной организации, в Москве». И генерал из КГБ приезжал. Это гораздо серьезнее, чем вы все думаете». <...>

Выслушав Иноземцева, я спрашиваю его: «Николай Николаевич, ты мне можешь объяснить, в чем дело в конце концов, почему все это так раздули?» Он смотрит на меня бесконечно усталым взглядом и тихо произносит: «Ну что ты от меня хочешь?»»

Действительно, чего я от него хотел? Чтобы он рассказал мне подоплеку этого странного дела? Но он не мог, да и не хотел этого рассказывать, хотя знал, в чем дело, и эта-то подоплека вызвала у него тревогу... <...>

Тем временем Иноземцев предпринимал шаги для того, чтобы обезопасить себя. Как мне потом рассказывали, на заседании дирекции он сказал: «Мирского надо снимать с должности заведующего отделом». Он стал по мелочам придираться к работе отдела, и я понял, что за этим последует: на заседании парткома объявят, что я не справляюсь со своими обязанностями, и будут рекомендовать дирекции освободить меня от должности заведующего. Я решил не дожидаться этого. В один прекрасный день в июне я пришел к директору и, когда он начал опять высказывать претензии ко мне по явно надуманным поводам, сказал, глядя ему в глаза: «Знаешь что, Николай Николаевич, лучше я уйду из института». В его глазах я уловил облегчение и, хотя первыми его словами были: «Как

уйдешь, куда? И кого на твое место?» — я понял, что поступаю правильно; тут же взял лист бумаги и написал заявление об уходе по собственному желанию...»¹.

Дело закончилось тем, что в итоге Г.И. Мирский перешел на должность главного научного сотрудника ИМЭМО, получив от райкома партии строгий выговор «за потерю бдительности и недостатки в политико-воспитательной работе в отделе»².

Серьезные претензии были предъявлены заведующему отделом социальных и внутривластных проблем развитых капиталистических стран, доктору исторических наук Герману Германовичу Дилигенскому и руководителю проблемной группы в этом же отделе, кандидату исторических наук Кириллу Георгиевичу Холодковскому. Суть претензий сводилась к тому, что именно «у них под носом» действовал «злостный антисоветчик» Павел Кудюкин, разоблаченный и арестованный КГБ 6 апреля 1982 г. Вина Дилигенского состояла в том, что он был научным руководителем аспиранта Кудюкина, а затем принял его на работу в свой отдел. Что касается Холодковского, то он руководил группой, в которой Кудюкин успел поработать чуть более трех месяцев после успешного окончания аспирантуры.

Первоначально комиссия настаивала на увольнении Дилигенского и Холодковского из Института, но Иноземцеву удалось их отстоять, сославшись, среди прочего, на участие этих ведущих политологов в подготовке очередного тома «Истории международного коммунистического и рабочего движения», который курировал «сам» Борис Николаевич Пономарев, тогдашний кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС.

Комиссия вынуждена была отступить, но настояла на вынесении Дилиенскому и Холодковскому партийных взысканий. Заодно привлекли и тогдашнего секретаря первичной парторганизации отдела, доктора исторических наук Сергея Петровича Перегудова, который уж совсем был ни при чем. Все трое получили от райкома партийные выговоры.

История с Дилигенским и Холодковским имела свое продолжение. По всей видимости, Волков и К° не удовлетворились принятыми в отношении двух «ревизионистов» мерами взыскания. *«Пока был жив Иноземцев, Дилигенского и Холодковского не трогали. Но как только Иноземцев умер, атаки на наш отдел возобновились... — вспоминает И.М. Бунин. — Из тех, кто преследовал отдел Дилигенского, надо прежде всего назвать Гурьева; именно он курировал нас от*

¹ Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. М., 2001. С. 228-229, 231. М.М. Максимова предлагает другую версию разговора Иноземцева с Мирским. Она говорит, что Иноземцев имел в виду лишь временный переход Мирского на работу в другой институт — до тех пор, пока в ИМЭМО все не успокоится, после чего он мог бы вернуться. *«Иноземцев, — говорит Максимова, — пытался выводить людей из-под огня, старался максимально ослабить удары по Институту. В тех условиях можно было действовать только таким путем. Невозможно было идти напролом. Тогда вообще бы разогнали Институт...»* (запись беседы с М.М. Максимовой).

² Мирский Г.И. Указ. соч. С. 232.

Дирекции. Вокруг отдела создалась тяжелая атмосфера¹. Герман Дилигенский — крупный ученый, мыслитель — был превращен в мальчика для битья...

И тогда Герман пошел в ЦК, встретился там с Пономаревым, Загладиным и Черняевым и договорился о переходе в Институт международного рабочего движения вместе с тремя своими сотрудниками — Кириллом Холодковским, Игорем Буниным и Виктором Кувалдиным². В конце декабря 1982 г. все четверо, по результатам специально объявленного конкурса, были приняты на работу в ИМРД. Что касается ИМЭМО, то он в их лице потерял своих наиболее квалифицированных политологов³.

Поста заведующего сектором международно-политических проблем Европы лишился профессор Даниил Ефимович Меламид (Мельников). Дважды Иноземцеву удавалось спасти ведущего советского германиста от крупных неприятностей. Первый раз это было в 1966 г. в связи с «делом Некрича», когда директор Института настоятельно посоветовал Меламиду, подвергшемуся резкой критике со стороны неосталинистов, срочно уйти в продолжительный отпуск и уехать из Москвы, пока все не успокоится. Второй раз тучи над головой Меламида нависли в 1977 г., когда его сын — известный художник-нонконформист — вынужден был эмигрировать из СССР. Вопреки оказывавшемуся на него давлению, Иноземцев сохранил за Меламидом заведование сектором. Дело ограничилось тем, что Меламиду закрыли выезд в страны Запада.

¹ «Я знал одного сотрудника нашего отдела, который в это время сжигал все имеющиеся у него самиздатские материалы, — вспоминает Игорь Бунин. — Это был настоящий испуг, инстинктивное дистанцирование от этих ребят (Фадина и Кудюкина), как от зачумленных. Но поскольку это был маленький коллектив, который хотел сохранить свою идентичность, свое «я», сложившиеся в нем человеческие отношения, то внутри он никого не подставлял. Все стали защищаться. Это особый коллектив, который даже в либеральных рамках ИМЭМО отличался наибольшим либерализмом, большей демократичностью и стремлением дистанцироваться от карьерных целей. Сам Дилигенский не был лишен карьерных устремлений, но семейная трагедия (неизлечимая болезнь сына) ставила его карьерные амбиции в определенные рамки: он должен был всего лишь иметь тот минимум, который позволял бы ему обеспечивать должный уход за сыном и не тратить слишком много энергии на внешнюю жизнь. Во-вторых, будучи типичным шестидесятником, он просто не мог позволить себе следовать по обычному карьерному пути. На него ориентировался и весь отдел. В нашем коллективе не было открытых карьеристов, которые могли бы пойти на подлость ради продвижения собственной карьеры. Коллектив сжался, консолидировался, готовился отбить какие-то возможные атаки» (запись беседы с И.М. Буниным).

² Там же.

³ Тогдашний и.о. директора Института В.А. Мартынов говорит, что пытался убедить Дилигенского и Холодковского остаться, но они предпочли уйти (из воспоминаний академика В.А. Мартынова). В 1987 г. Г.Г. Дилигенский и К.Г. Холодковский вернутся в ИМЭМО по приглашению нового директора Института академика Е.М. Примакова, предложившего Дилигенскому, помимо заведования его старым отделом, занять пост главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения».

На этот раз, в 1982 г., он уже ничего не мог для него сделать, так как КГБ привлек к ответственности по «делу Фадиной — Кудюкиной» одного из сотрудников Меламида — Константина Барановского¹. Он не был арестован, как оба его студенческих друга, но неоднократно вызывался на допросы в Лефортовскую тюрьму. Барановскому КГБ отводил роль свидетеля обвинения на предстоявшем судебном процессе.

Профессор Д.Е. Меламид, считая Барановского перспективным молодым ученым, всячески поддерживал его, был научным руководителем его диссертации, что ему и поставили в вину, освобождая от должности заведующего сектором. Что касается самого К. Барановского, то ему пришлось уйти из «режимного» Института «по собственному желанию»².

Из Института выдавливали всех, кто имел хоть какое-то отношение к «делу Фадиной — Кудюкиной», а заодно и других «неблагонадежных». Сейчас уже трудно сказать, где проходила грань между выполнением установок «компетентных органов» и самостоятельностью институтской администрации и парткома. В конце концов, по трудовому законодательству Дирекция не обязана была (да и не могла) увольнять сотрудников на том лишь основании, что к ним были претензии со стороны «органов». В действительности же, за редкими исключениями, администрация не только не вставала на защиту своих сотрудников, но и всеми средствами стремилась избавиться от тех, кто вызывал сомнения по части благонадежности. В ход пускалось всё — уговоры «уйти по собственному желанию», «уйти на время, а потом вернуться», угрозы, лишение права пользования читальным залом спецхрана, т.е. возможности читать текущую иностранную прессу, административное преследование...

¹ К.Ю. Барановский вырос в интеллигентной семье, объединившей два символа русской культуры — Константина Станиславского и Роберта Фалька. По одной линии Барановский был правнуком великого театрального режиссера (от прадеда он унаследовал имя), а по другой — внуком известного художника. В ИМЭМО К. Барановский попал после окончания исторического факультета МГУ. В Институте работал в секторе Д.Е. Меламида и под его руководством подготовил кандидатскую диссертацию о политике постфранкистской Испании в отношении ЕЭС. Диссертация получила предварительное одобрение, но защита так и не состоялась в связи с увольнением Барановского из ИМЭМО.

² Не был забыт и студенческий друг Барановского и Кудюкиной — Олег Кудрявцев, хотя он и не имел никакого отношения к их тайной деятельности. Его «нашли» в Институте всеобщей истории, куда еще в 1979 г., после защиты кандидатской диссертации, он был приглашен из ИМЭМО. Кудрявцев вернулся там к проблематике своей дипломной работы, занявшись историей итальянского гуманизма и Возрождения. Его работы в этой области очень быстро были замечены и высоко оценены за рубежом. Когда в конце 1982 г. молодой ученый получил от «патриарха» французской исторической науки академика Фернана Броделя персональное приглашение принять участие в международном коллоквиуме, то в Институте всеобщей истории ему неожиданно сообщили, что отныне он - невъездной. Причина — его близкое знакомство с А. Фадиным и П. Кудюкиным. Самого О. Кудрявцева в ходе следствия по делу его товарищей неоднократно вызывали в качестве свидетеля в Лефортовскую тюрьму, где содержались Фадин и Кудюкин. Возможность выезжать в зарубежные научные командировки д.и.н. О.Ф. Кудрявцев получил только в 90-е годы.

В качестве примера можно привести историю с попыткой увольнения младшего научного сотрудника отдела Западной Европы Ольги Юрьевны Ивановой.

Ольга Иванова пришла в ИМЭМО в 1975 г. по окончании МГПИИЯ им. Мориса Тореза со знанием двух языков — английского и французского. Ее приняли на должность стажера-исследователя в отдел информации, где она обрабатывала французскую прессу и комплектовала информационный фонд по внутривнутриполитическому положению Франции, а также по ФКП и ФСП. В скором времени Иванову стали привлекать к составлению информационных справок по французской проблематике для Дирекции Института. Ее работа неоднократно поощрялась руководством. Работая в отделе информации, Ольга приступила к написанию кандидатской диссертации по теме «Проблемы единства левых сил в современной Франции». Учитывая наличие у Ивановой способностей к научной работе, ее в декабре 1978 г. перевели в отдел Западной Европы с повышением в должности и в окладе. Все у нее складывалось наилучшим образом до тех пор, пока 6 апреля 1982 г. не был арестован друг Ивановой Андрей Фадин. Следствие выяснило, что Ольга не только знала о «другой жизни» Фадина, но и помогала ему, в частности, в напечатании различных материалов. Кое-что из этих материалов, как утверждали следователи, печаталось на пишущей машинке секретаря-референта академика Иноземцева Веры Алексеевны Ивановой, матери Ольги.

С самого начала Ольга заняла позицию полной солидарности с арестованным Фадиным и отказалась каяться, что вынудило администрацию предложить ей уйти из Института «по собственному желанию». Поначалу Иванова согласилась и даже написала соответствующее заявление, но, поняв, что у Дирекции нет никаких формальных оснований для ее увольнения, передумала и отозвала свое заявление. *«В связи с изменившимися обстоятельствами (продолжительная болезнь) прошу считать мое заявление об уходе с работы по собственному желанию недействительным»*, — написала Иванова 9 июля 1982 г. в Дирекцию Института¹.

Там поняли, что она намерена защищаться, и сменили тактику. Приказом директора О.Ю. Иванова была лишена «права пользования материалами и литературой спецфонда Института и всеми материалами, имеющими гриф «Для служебного пользования»². Это означало, что отныне она не могла читать зарубежную прессу и литературу, что не освобождало ее от текущих заданий, выполнение которых предполагало изучение французской периодики. Одновременно была дана команда «отстреливать» Иванову, т.е. ловить ее на нарушениях трудовой дисциплины (когда пришла на работу и когда ушла, чем занималась в течение рабочего дня и т.д.). Нескольких таких нарушений было достаточно для «законного» увольнения строптивой сотрудницы, которая, понимая свое шаткое положение, старалась «не подставляться».

¹ Личное дело О.Ю. Ивановой // Архив ИМЭМО РАН. Там

² же.

Не преуспев и в этом, администрация решила воспользоваться внеочередной переаттестацией сотрудников Института для того, чтобы избавиться от О. Ивановой (к слову сказать, не только от нее). Но осечка вышла и с этой задумкой. Когда аттестационная комиссия приняла решение не аттестовывать Иванову, последняя оспорила это решение, посчитав его неправомочным.

26 ноября 1982 г. она направляет на имя заместителя директора Института И.Д. Иванова, возглавлявшего отраслевую аттестационную комиссию, заявление следующего содержания:

«24/XI-82 г. под Вашим руководством состоялось заседание отраслевой аттестационной комиссии, на котором рассматривался мой вопрос. Из семнадцати членов комиссии на заседании присутствовали девять, т.е. кворума фактически не было. Кроме того был допущен еще ряд нарушений инструкции «О порядке замещения научных должностей...» (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 25/V-1961 г.).

Поэтому я считаю решение комиссии по моему вопросу недействительным и требую вернуться к его рассмотрению еще раз с соблюдением соответствующих норм трудового законодательства»¹.

Тяжба Дирекции Института с младшим научным сотрудником Ольгой Ивановой продолжалась еще шесть месяцев — до тех пор, пока Ольга не подыскала себе новое место работы и не ушла из ИМЭМО по собственной воле. Забегая вперед, можно сказать, что в скором времени она вышла замуж за амнистированного Андрея Фадина, а после крушения советского режима возглавила основанное ее мужем московское издательство «Летний сад».

За грехи дочери и потерю бдительности поплатилась и мать Ольги Ивановой. Член КПСС, незаменимый секретарь-референт Н.Н. Иноземцева на протяжении полутора десятка лет Вера Алексеевна Иванова была снята с этой должности с партийным взысканием. Ее перевели на ставку институтского пожарного (!), милостиво позволив доработать в этом качестве до достижения пенсионного возраста.

В самом конце сентября 1982 г., т.е. уже после смерти Иноземцева, когда некоторым казалось, что Институт могут оставить в покое, Дирекция и партком, то ли под давлением сверху, то ли в инициативном порядке, сейчас уже трудно сказать, вернулись к «делу» К.Л. Майданика и Т.Е. Ворожейкиной, к которым были претензии со стороны проверочной комиссии и КГБ. Еще в июне оба они были лишены права пользования материалами читального зала спецхрана, а 29 сентября отраслевая аттестационная комиссия под председательством д.э.н. И.Д. Иванова собралась на специальное заседание для аттестации (вернее — неаттестации) этих двух сотрудников отдела развивающихся стран. По существу, как свидетельствует протокол заседания комиссии, вопрос стоял о невозможности их дальнейшей работы в Институте. Самое удивительное заключалось в том, что главный исследователь К.Л. Майданик

¹ Личное дело О.Ю. Ивановой // Архив ИМЭМО РАН.

и младший научный сотрудник Т.Е. Ворожейкина в апреле уже были аттестованы в своих должностях той же самой комиссией, но Центральная аттестационная комиссия (ЦАК) своим решением аннулировала результаты той аттестации «в связи с вскрывшимися обстоятельствами». Данное решение лишь подчеркивало то, что вторичная переаттестация Майданика и Ворожейкиной носила заказной и сугубо политический характер.

К.Л. Майданик вспоминает, что, как ему показалось, И.Д. Иванову было неприятно выполнять возложенное на него поручение. Открывая заседание комиссии, ее председатель сразу же признал, что повторная аттестация Майданика и Ворожейкиной связана «с теми событиями, которые имели место в Институте». При этом он отметил, что к Майданику «по производственной линии серьезных претензий нет». Тем не менее, напомнил Иванов, «Институт является режимным учреждением, и отсутствие у сотрудника института (т.е. в данном случае у Майданика. — П.Ч.) допуска существенно снижает его возможности заниматься научной работой в научном учреждении и одновременно является для него чрезвычайной, нетипичной ситуацией»¹.

Из данного посыла неизбежно вытекало, что уважаемому Киве Львовичу будет трудно выполнять свои обязанности без допуска к закрытой иностранной литературе. По этой причине председательствующий предложил следующую формулировку: «Отраслевая комиссия принимает решение о неаттестации К.Л. Майданика в должности главного исследователя»².

С подобной формулировкой решительно не согласился член комиссии д.и.н. Г.И. Мирский³. «Я предлагаю другую формулировку, — сказал он, — о неаттестации К.Л. Майданика в должности главного исследователя — руково-

¹ ИМЭМО АН СССР. Протокол заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН. Здесь и далее протокол заседания цитируется по источнику с сохранением орфографии и пунктуации.

² Там же. С. 1–2, 13.

³ В своем выступлении Г.И. Мирский решительно отверг утверждение, что, лишенный допуска Майданик, не в состоянии будет выполнять те или иные задания и по этой причине он не может работать в Институте. «Тов. Майданик — теоретик, человек, который является в полной мере слова творческим работником, — подчеркнул Мирский. — ...Если бы он имел в своем распоряжении только советскую печать, газету «Юманите» и другие издания, которые продаются в газетных киосках, он мог бы написать все, что он написал. Это я говорю с полной ответственностью. С полной ответственностью я утверждаю, что Майданик работает на совершенно другом уровне. Это человек, который анализирует, обобщает, создает концепцию. Для этого не надо сидеть в спецхране и читать ежедневно ТАСС... Майданик — это явление незаурядное, как ученый, широко известен и настолько себя показал и проявил, что я со своей стороны со всей определенностью и ответственностью категорически могу утверждать, что та работа, которая ему обычно поручалась, совершенно на том же уровне может быть сделана даже в случае, если он будет лишен этого допуска, не говоря о том, что **мы не знаем, что будет дальше. Почему же сейчас, из-за того, что произошло и неизвестно, как все это кончится** (выделено мною. — П.Ч.), проявляется поспешность, малодушие и разбрасывание такими кадрами, как Майданик»? // Там же. С. 4, 7–8.

дителя группы с рекомендацией комиссии о переводе его на должность ведущего исследователя. Если же мы сейчас примем формулировку решения, которую предложил Иван Дмитриевич, это будет означать, что дирекция Майданика увольняет, — предупредил членов комиссии Мирский.

<...> Речь идет о том, остается он в институте или нет. Я призываю всех членов комиссии проголосовать за эту формулировку, чтобы Майданик остался в институте, если это от нас зависит. Каждый вправе высказать свое мнение»¹.

Подавляющее большинство членов комиссии, состоявшей из уважаемых ученых, предпочли вообще не высказываться, считая, по-видимому, что участь Майданика предрешена. Из 13 членов комиссии лишь двое (А.В. Аникин и Р.М. Энтов) высказали осторожные сомнения в возможности оставления К.Л. Майданика в должности главного исследователя.

Позицию парткома по этому вопросу изложил В.Н. Шенаев. Заявив, что Майданик, как главный исследователь — руководитель группы, «сделал много серьезных просчетов и ошибок», не позволяющих ему занимать эту должность, секретарь парткома предложил компромиссную формулировку: «комиссия рекомендует Дирекции принять участие в трудоустройстве т. Майданика, так как он, согласно приказу директора, не может работать в Институте»².

На это предложение последовала реплика председательствующего: «Обычно неаттестация не влечет за собой трудоустройства. В данном случае комиссия может рекомендовать дирекции продумать вопрос о трудоустройстве»³.

Г.И. Мирский заметил, что такая формулировка никого ни к чему не обязывает, и вновь повторил свое предложение: «1. Не аттестовать К.Л. Майданика в должности главного исследователя — руководителя группы. 2. Рекомендовать ЦАК, Дирекции положительно отнестись к вопросу об оставлении тов. Майданика в Институте, чтобы человека не выбросили на улицу»⁴.

Из Протокола заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г.:

«<...> ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Кто за то, чтобы принять решение — не аттестовать тов. Майданика К.Л. в должности главного исследователя — руководителя группы? (Принимается единогласно всеми членами комиссии).

Второе. Есть вариант В.Н. Шенаева — помочь тов. Майданику в трудоустройстве. Есть вариант Г.И. Мирского — просить Дирекцию положительно рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания тов. Майданика в Институте. Если мы воспользуемся рекомендацией

¹ ИМЭМО АН СССР. Протокол заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН. С.13.

² Там же. С. 9, 14.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 14–15

В.Н. Шенаева — помочь ему (Майданику. — П.Ч.) в трудоустройстве, это более широкий путь, который, при определенных обстоятельствах, влечет за собой использование его в Институте.

Кто за первый вариант — не аттестовывать К.Л. Майданика, но просить Дирекцию помочь ему в трудоустройстве? (7 человек).

Кто за второй вариант, предложенный Г.И. Мирским рекомендовать Дирекции оставить К.Л. Майданика в Институте, — прошу голосовать. (За — три).

Проходит первое предложение.

ПОСТАНОВИЛИ: Не аттестовать тов. Майданика К.Л. в должности главного исследователя — руководителя группы. Не считая целесообразным его дальнейшее пребывание в Институте, просить Дирекцию помочь ему в трудоустройстве»¹.

После этого комиссия перешла к рассмотрению вопроса Т.Е. Ворожейкиной. Но сначала несколько слов о ней самой.

Татьяна Евгеньевна Ворожейкина родилась в семье дипломата. Первые три года жизни она провела в Швеции, где ее отец служил в советском посольстве. В Стокгольме она вернется с родителями еще раз — в 1964 г. Впоследствии отец Ворожейкиной работал референтом по скандинавским странам в Международном отделе ЦК КПСС, кстати сказать, вместе с отцом Андрея Фадына. А с Фадыным-младшим Ворожейкина встретится на историческом факультете МГУ, где она, как и он, специализировалась по новейшей истории стран Латинской Америки. Здесь же, в университете, она познакомилась и со своим будущим мужем — Игорем Долуцким.

В ИМЭМО Татьяна Ворожейкина пришла в 1977 г. В соответствии с ее специализацией Ворожейкину зачислили в отдел развивающихся стран, где она начала работать под руководством К.Л. Майданика. В одной из позднейших характеристик, выданных ей для аттестации, будет сказано, что за время работы в ИМЭМО Т.Е. Ворожейкина «зарекомендовала себя как один из самых зрелых, способных, смелых научных сотрудников младшего поколения отдела». Здесь же подчеркивалось, что Ворожейкина «является квалифицированным специалистом в области социального и, особенно, политического развития «третьего мира», одним из ведущих работников отдела по проблемам Латинской Америки...»². Впоследствии Т.Е. Ворожейкину, как авторитетного латиноамериканиста, будут приглашать на международные конференции и с лекциями на Кубу, в Аргентину, Бразилию, Мексику, США и Великобританию. Но это признание придет к ней лишь в годы перестройки, а в 1982 г. Ворожейкину,

¹ ИМЭМО АН СССР. Протокол заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН. С. 15–16.

² Характеристика подписана тогдашним заведующим отделом д.э.н. Р.М. Аваковым, секретарем первичной парторганизации И.Т. Кофановым и профоргом А.С. Солоницким (личное дело Т.Е. Ворожейкиной) // Архив ИМЭМО РАН.

как и ее учителя Майданика, пытались изгнать если не из науки, то во всяком случае из Института, что, впрочем, в то время могло означать одно и то же.

Итак, обратимся к беспристрастному документальному свидетельству.

Из Протокола заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г.:

«СЛУШАЛИ: Аттестацию Т.Е. Ворожейкиной.

ВЫСТУПИЛИ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (И.Д. Иванов. — П.Ч.)

...Она (Ворожейкина. — П.Ч.) проходит аттестацию второй раз, поскольку ЦАК аннулировала первый тур аттестации, и так как с Кивой Львовичем, ей было отказано приказом директора в допуске к закрытой работе. Нам предстоит решить, примерно, тот же самый вопрос. Не знаю, должен ли я повторять все то, что я говорил, когда мы разбирались с Кивой Львовичем Майдаником.

Н.Н. ШЕНАЕВ

Речь идет об аттестации младшего научного сотрудника.

Т.Е. ВОРОЖЕЙКИНА

Могу напомнить уважаемым членам комиссии, вы меня аттестовали даже с прибавлением заработной платы. В мае этого года ЦАК это решение утвердила. Насколько я понимаю, претензий ко мне с научно-производственной стороны нет. Лишение меня допуска в спецхран, на мой взгляд, столь же лишено основания, как и решение уволить меня по сокращению штатов, которое тоже было отменено. <...> Я за собой никакой вины не чувствую. <...> В таких условиях принятие решения о неаттестации было бы неправильным и просто непорядочным. Не говоря уже о том, что оно непринципиально. Распоряжение о моем недопуске в спецхран и использовании этого, как основание к неаттестации меня, представляет собой не что иное, как досудебное решение вопроса. Я решительно протестую против моей причастности к делу Фадина. В СССР решать подобные вопросы имеет право только суд. Администрации никто подобного права не давал. Распоряжение дирекции о лишении меня допуска незаконно по отношению ко мне. Издано оно 24 июня. С 16 июня по 19 июля я была, как известно, уволена по сокращению штатов¹. Дирекция не имела права принимать никаких решений, так как человек не числился в те дни в штате института. И по сути дела это незаконное решение кладется в основу того, чтобы меня не аттестовать. На мой взгляд, этот повод несерьезный, потому что я могу работать в той области, которой я занимаюсь, пользуясь открытой литературой, и постараюсь это сделать квалифицированно и добросовестно. А если будет принято решение о моей неаттестации, я буду это решение опротестовывать всеми доступными мне средствами и во всех

¹ Это была первая неудачная попытка увольнения Ворожейкиной. Суд, куда обратилась потерпевшая, признал увольнение Ворожейкиной незаконным и восстановил ее на работе. — П.Ч.

инстанциях. Что касается моих возможностей, они несколько больше, чем это может казаться.

В.Н. ШЕНАЕВ

Что это значит?

Т.Е. ВОРОЖЕЙКИНА

Я хочу сказать, что я обращаюсь и в Президиум Академии наук и во все инстанции, которые так или иначе этим занимаются, чтобы мое дело было изучено.

Еще мне хотелось бы сказать, и я не могу об этом молчать, поскольку речь идет о моем учителе — Киве Львовиче Майданике. Мне кажется, в здравом уме и твердой памяти, я прекрасно знаю убеждения Майданика, его действительную преданность коммунистическим идеалам, ни один человек не может реально подумать о том, что он может быть как-то причастен к этому делу. Тем не менее я считаю своим долгом об этом сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Это выступление в какой-то степени прояснило нам ситуацию. Оно достаточно ясное и четкое. Какое отношение у членов комиссии к нему?

Г.И. МИРСКИЙ

Нет никакого смысла на основании того, что Н.Н. Иноземцев издал в тот очень острый момент приказ, считать, что Ворожейкина не может работать. Это младший научный сотрудник и то, что я говорил в отношении Майданика, то же самое можно сказать и в отношении Ворожейкиной. Она может обойтись и без спецхрановской литературы. Я считаю, что институт ничего от этого не проиграет. Предлагаю ее аттестовать условно. Если она за полгода напишет несколько справок, подготовит какие-то материалы без использования спецхрана, тогда и можно судить, что этот человек может, а что — нет»¹.

Предложение Мирского об условной аттестации Ворожейкиной не прошло, как не прошло и предложение Е.А. Брагиной помочь Ворожейкиной с трудоустройством в случае ее увольнения из Института. В итоге восемью голосами против четырех комиссия приняла решение не аттестовывать Т.Е. Ворожейкину², что означало ее последующее увольнение из ИМЭМО.

Но на этом predetermined решении, как и обещала Ворожейкина, ее дело не завершилось. Вооружившись Трудовым кодексом и другими подручными средствами самозащиты, она подала в суд на администрацию Института и выиграла дело о своем незаконном увольнении. Суд обязал Дирекцию Института восстановить Т.Е. Ворожейкину на работе, что и было исполнено. После этих драматических событий она проработала в ИМЭМО еще 17 лет, уволившись из Института по собственному желанию лишь в ноябре 1999 г.

¹ ИМЭМО АН СССР. Протокол заседания отраслевой аттестационной комиссии от 29 сентября 1982 г. // Архив ИМЭМО РАН. С. 16—18.

² Там же. С. 25.

Поведение Татьяны Ворожейкиной и Ольги Ивановой, нашедших в себе мужество отстаивать свои законные права перед лицом откровенного произвола, было скорее исключением. В этих двух примерах дало о себе знать пробуждавшееся у молодого поколения самоуважение, гражданское и правовое сознание, которое будет востребовано обществом спустя несколько лет. Другие пострадавшие в событиях 1982 г. сотрудники ИМЭМО, принадлежавшие к более зрелому поколению, хорошо помнившему суровое прошлое, не решились на сопротивление. В большинстве случаев они вели себя пассивно-обреченно, надеясь на снисхождение и милость со стороны начальства. А кое-кто поспешил уйти из Института, не дожидаясь соответствующего «приглашения».

В ходе кадровой чистки, проведенной под видом переаттестации, к январю 1983 г. ИМЭМО потерял 24 научных сотрудника разных уровней¹. Справедливости ради следует отметить, что не все они были жертвами «политических репрессий». Были среди них и откровенные бездельники, и люди, не соответствовавшие занимаемым должностям, но целили не в них (большинство бездельников и бездарей, как обычно, благополучно пережили переаттестацию), а в тех, кто вызывал сомнения по части политической благонадежности. При этом, как мы видели, высокие профессиональные качества «отстреливаемых» в расчет не принимались.

На места увольняемых и смещаемых с руководящих постов (завотделами, завсекторами, руководители проблемных групп) назначались партвыдвиженцы — члены парткома или секретари первичных парторганизаций.

При приеме в аспирантуру, при зачислении на работу или прохождении конкурса было приказано обращать внимание прежде всего на партийность (членство в ВЛКСМ) и на пресловутый «пятый пункт». Примечательную историю в этом отношении рассказал ныне покойный профессор Яков Александрович Певзнер, который летом 1982 г. тщетно пытался устроить в ИМЭМО талантливого выпускника ИСАА² при МГУ Сергея Брагинского.

Из дневниковой записи Я.А. Певзнера от 25 июля 1982 г.:

«В 1979 году мне рассказали о том, что в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ на 3-м курсе японского факультета учится необычайно способный молодой человек Сергей Брагинский. Вскоре я получил возможность познакомиться с ним, и по моей просьбе он был прислан в наш Институт (ИМЭМО) на полугодовую практику. Мои ожидания были намного превзойдены. <...>

Порядок приема в институт лиц, окончивших вузы, таков: дирекция направляет заявку в вуз и по этой заявке выпускник направляется на должность стажера-исследователя, и, если он оправдал себя, после двух лет ста-

¹ Иноземцев Н.Н. О работе Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с кадрами. Докладная записка в Отделение экономики АН СССР от 13 мая 1982 г.; Краткий отчет о работе ИМЭМО АН СССР за 1982 год. // Архив ИМЭМО РАН.

² Институт стран Азии и Африки — бывший Московский Институт востоковедения, который, в частности, окончил будущий академик Е.М. Примаков.

жестства зачисляется на должность младшего научного сотрудника. Обычно заявку подписывает заместитель директора. Ввиду исключительности случая я пошел на исключительный шаг — обратился к директору...

Один очень важный момент: я спросил у Сергея, кто он по национальности. Он ответил: «русский». Он «половинка» и по паспорту — русский. Понимая ситуацию, в разговоре с директором я не преминул сообщить ему о национальности моего «протезе».

Я не думал ни о чем, кроме как о деле. У меня с Брагинским вне службы не было никаких общих знакомых, никто ко мне с ходатайством за него не обращался.

Н.Н. Иноземцев выслушал меня и сказал: «Пишите заявку, я ее подпишу». Заявка за подписью Иноземцева с подтверждением со стороны Президиума Академии наук была направлена в ИСАА (институт, где С.В. учился). Я был счастлив. Я сделал трудное, но столь важное, столь полезное дело — для науки, для Института, в котором работаю почти всю жизнь.

Разговор с Иноземцевым состоялся летом 1981 года. Брагинский был в это время в Японии — ИСАА направил его туда на 10-месячную стажировку. <...>

20 июля 1982 года в 3 часа раздался телефонный звонок. Говорил Брагинский: «Я.А., я не могу понять, что произошло. Меня вызвали в отдел кадров ИСАА и показали письмо от 16.07, подписанное Иноземцевым. «В связи с перестройкой структуры и изменением тематики институт аннулирует заявку на С.В. Брагинского».

Я был ошеломлен. Иноземцев в отпуске, да и идти к нему бесполезно. Я обратился к И.Е. Гурьеву, заместителю директора, который, как мне стало известно, готовил приказ о зачислении в Институт выпускников 1982 года. Что он мне отвечал, не имеет значения. О повороте назад не могло быть и речи — не могло быть речи, несмотря на то, что и закон был грубо нарушен: по закону Институт не имеет права отказываться от заявки после того, как распределение совершено и одобрено Президиумом Академии.

Остается добавить следующее: по непроверенным, но более или менее достоверным сведениям, из 5 принятых в Институт стажеров-исследователей одна — дочь сотрудника КГБ, одна — жена сына работника ЦК и два молодых человека, на которых предварительных заявок не было. Их номенклатурное происхождение почти не вызывает сомнений.

Так КГБ и дирекция выполняют указания ЦК КПСС об укреплении кадрового состава Института»¹.

¹ Певзнер Я.А. Вторая жизнь. М., 1995. С. 424–427. «Что же касается С. Брагинского, то с ним дело обстояло так, — пишет Певзнер. — В том же 1982 году он был принят в аспирантуру Института востоковедения Академии наук. <...> После защиты был оставлен в том же Институте, и на основе диссертации выпустил прекрасную книгу «Кредитно-денежная политика в Японии», а затем вдвоем со мной выступил в качестве соавтора книги «Политическая экономия: дискуссионные вопросы, пути обновления» (его перу принадлежит две трети данной работы, самая трудная ее часть). <...> Но главное другое — в 1989–1990 годах он по научному обмену работал в Японии во всемирно известной корпорации по страхованию «Тохо сэймэй», а в 1990 году был приглашен на работу в качестве профессора в хорошо известный в Японии университет «Ноко-

Закон был нарушен не только в отношении приема на работу С.В. Брагинского. Тогда, в 1982 г., он нарушался многократно и по отношению к целому ряду сотрудников Института, помимо О. Ивановой и Т. Ворожейкиной.

«С тех пор, как в 1967 году я попал в Институт, — вспоминает доктор исторических наук Марат Чешков, один из ведущих сотрудников отдела развивающихся стран, — никогда я не думал об уходе из него, за исключением «тяжелого лета 82-го года»..., в ходе зачистки отдела, которую проводил энергично и последовательно И.Д. Иванов. Этот «человек со стержнем», как называл его Н. Иноземцев, заявлял, что в нашем отделе нет советской власти и объяснял принятые репрессивные меры тем, что «система вынуждена себя защищать»... В такой ситуации меня не допустили к переаттестации и на попытки выяснить причины мне отвечали..., что арестованные (А. Фадин и др.) «хорошо о вас отзывались». Можно представить, как дальше бы развивались события, если бы т.н. дело Фадина не ушло в песок...»¹.

В случае с М.А. Чешковым, помимо лестных отзывов о нем А. Фадина, безусловно, сыграло роль его диссидентское прошлое. Давняя причастность Чешкова к «делу Краснопевцева» (1958 год) и шесть с половиной лет мордовских лагерей не были забыты на Лубянке. Об этом, по-видимому, напомнили и руководству ИМЭМО, которое, хоть и с опозданием, но все же постаралась выполнить «заказ».

14 мая 1982 г. Центральная аттестационная комиссия аттестовала к.э.н. М.А. Чешкова в должности старшего исследователя с окладом 300 рублей², а полтора месяца спустя он не обнаружил себя в списке аттестованных сотрудников Института, вывешенном в холле первого этажа. Приказ о его состоявшейся переаттестации, вопреки существовавшим правилам, не был подписан. Это был далеко не единичный случай административного произвола; не все сотрудники Института нашли тогда свои фамилии в этом списке³.

хама». Приглашая Брагинского, вопросом о том, кто по национальности его родители и предки, японцы не заинтересовались. Теперь он работает там. Договор с Иокохама дайгаку (университет) заключен на неопределенный срок. <...> Вы еще услышите об С.В. Брагинском, ученом, а может быть, и государственном деятеле. Но горько, очень горько видеть, что столь талантливого человека, может быть, не навсегда, но на ряд лет потерял не только наш Институт, но и страна. В том, что так произошло, виновата не только описанная выше акция ЦК-КГБ-дирекция Института. Но в букете причин, приведших к такому повороту, описанной здесь позорной акции принадлежало далеко не последнее место» // Там же. С. 428.

¹ Из воспоминаний М.А. Чешкова «Моя жизнь в ИМЭМО», предоставленных в распоряжение автора.

² Протокол ЦАК по аттестации научных сотрудников от 28 апреля 1982 г. и 14 мая 1982 г. Раздел VII. По отделу экономики и политики развивающихся стран. Пункт 17. С. 20 // Архив ИМЭМО РАН.

³ В аналогичной ситуации оказался, в частности, и автор этих строк, аттестованный ЦАК 14 мая 1982 г. в должности старшего исследователя отдела международных отношений. Аттестация была утверждена Ученым советом ИМЭМО. Тем не менее приказ об аттестации

«Атмосфера в Институте стала меняться, отчасти напоминая обстановку 37-го года, все, что было мерзкого в обществе, немедленно вышло наружу, начали разыгрываться какие-то карьерные стратегии, пошли доносы и т.д.», — вспоминает о событиях 1982 г. Игорь Бунин¹. Оживились «общественники» и стукачи, люди стали остерегаться прежнего относительно свободного обсуждения насущных вопросов; со всех научных сотрудников взяли новые, еще более строгие подписки «о неразглашении», «о нераспространении», о запрете на неофициальное общение с иностранцами и т.д.; пополнился и без того длинный список невыездных...

Ужесточение режима и кадровой политики Дирекция и партком оправдывали двумя главными причинами: соответствующими требованиями проверочной комиссии, которая продолжала функционировать и после смерти Иноземцева, а также естественным стремлением спасти Институт от полного разгрома, что вынуждало администрацию идти на определенные кадровые и иные жертвы. Под таковыми имелись в виду, в том числе, и серьезные изменения, внесенные в планы научно-исследовательской работы ИМЭМО по требованию комиссии Гришина — Зимянина — Волкова. Комиссия резко критиковала руководство Института за недостаточное внимание к разработке теории «марксистско-ленинской» политэкономии капитализма, потребовав сделать данное направление ведущим в работе ИМЭМО.

Подобные претензии не могли не вызывать недоумения, особенно с учетом того, что фундаментальный труд Института «Политическая экономия современного монополистического капитализма» в 1977 г. был отмечен Государственной премией СССР. Но именно в этот «ревизионистский», по мнению М. Волкова, труд и был направлен удар. По понятным причинам Волков не мог называть вещи своими именами, но неприятие им трактовки реального капитализма второй половины XX века, даваемое экономистами ИМЭМО, было очевидно. Теперь, после смерти академика Н.Н. Иноземцева, малограмотный свояк К.У. Черненко пытался заставить осиротевший ИМЭМО покаяться в идеологических прегрешениях и пересмотреть свою же оценку современного капитализма.

В требовании сосредоточиться на вопросах теории просматривалось и другое: намерение раз и навсегда ослабить влияние Института на принятие политических решений по конкретным вопросам экономического и научно-технического развития СССР, а также по внешней политике, хотя и без того было ясно, что с уходом из жизни Иноземцева, имевшего прямой выход на Брежнева и некоторых других членов Политбюро (например, на Горбачева), это влияние неизбежно ослабнет.

Дирекция основательно перетряхнула издательский план выпуска литературы, откуда были изъяты все работы, вызывавшие сомнения по части проблематики и особенно авторов. В числе первых из издательства «Наука» была ото-

к.и.н. П.П. Черкасова не был подписан директором, что, как и в случае с М.А. Чешковым, делало статус сотрудника неопределенным, а будущее — весьма туманным // Там же. Раздел III. По отделу международных отношений. Пункт 22. С. 9.

¹ Запись беседы с И.М. Буниным.

звана рукопись книги о современном неонацизме под редакцией К.Г. Холодковского и К.Л. Майданика.

Менялись издательские планы отделов и секторов. Так, из уже подготовленной в секторе международно-политических проблем Европы рукописи коллективной монографии о политической интеграции в Западной Европе были изъяты обсужденные и одобренные главы, написанные «неблагонадежными» авторами, в частности К.Ю. Барановским, вынужденным, как уже говорилось, уйти из Института. По указанию Дирекции сняли и фамилию ответственного редактора этой работы — д.и.н. Д.Е. Меламида, освобожденного перед этим от обязанностей заведующего сектором¹. Целый ряд монографий, предназначенных к открытой публикации, по тем же или сходным причинам, был «засейфован», т.е. переведен в разряд закрытых изданий «для служебного пользования».

В арсенале дискриминационных мер с успехом использовалось блокирование процесса защиты уже подготовленной кандидатской или докторской диссертации теми научными сотрудниками, которые по причинам, не имевшим отношения к науке, вызывали сомнения у администрации и парткома. Тем самым для них закрывалась (или отодвигалась) перспектива научного роста.

Все эти и другие административные меры оправдывались необходимостью «спасения Института» от угрозы полного разгрома. Подобное объяснение развернувшейся в Институте «охоте на ведьм» далеко не всеми в научном коллективе ИМЭМО признавалось убедительным. Многие тогда задавались вопросом: идет ли речь о спасении научного коллектива или только о спасении его руководства?..

В связи с этим нельзя не вспомнить, что этот тяжелейший для ИМЭМО период с середины 1982 до конца 1983 г. в значительной мере пришелся на правление Ю.В. Андропова, взявшего курс на ужесточение дисциплины — идеологической, административной, трудовой. В такой обстановке трудно было рассчитывать на возможность развития каких-то либеральных тенденций и в обществе в целом, и в отдельных коллективах, включая ИМЭМО, который только что подвергся разгрому.

Но вернемся к событиям, последовавшим за смертью академика Н.Н. Иноземцева. Как уже говорилось, комиссия Гришина — Зимянина — Волкова продолжала функционировать и после 12 августа 1982 г. Ее никто не распускал. Более того, уже после ухода из жизни директора ИМЭМО, Зимянин и Волков намеревались устроить показательный разнос Институту в устрашение другим академическим учреждениям.

На этот раз на защиту Института решительно встали руководство АН СССР², а также влиятельные друзья покойного Иноземцева. Их вмешательство предопределило провал планов Зимянина — Волкова и иже с ними.

¹ Вторым ответственным редактором этой монографии был д.и.н. Д.Д. Маклэйн, но он умер в марте 1983 г. В 1985 г. книга выйдет уже под редакцией нового заведующего европейским сектором.

² Академик В.А. Мартынов вспоминает, что уже после смерти Иноземцева М.И. Волков представил вице-президенту АН СССР, члену ЦК КПСС П.Н. Федосееву составленный им документ, содержавший отрицательную оценку всей работы ИМЭМО. Среди прочего в этом документе

воспоминаний академика Георгия Аркадьевича Арбатова:

«После скоростной кончины... Н.Н. Иноземцева в августе 1982 года... была сделана еще одна попытка возобновить атаку на ИМЭМО. В МГК КПСС возник план роспуска парткома института и замены его секретаря, начала новой проработки руководства и коллектива. Этот план был близок к осуществлению.

Помню, во второй половине октября, в одно из воскресений, мне позвонил домой близкий друг, работавший в ИМЭМО, и сказал, что на следующий четверг по требованию горкома назначено партийное собрание, которое работники Отдела науки ЦК КПСС и МГК хотят превратить в шумный проработочный спектакль, настоящий разгром института. Я в то время работал за городом (домой приезжал лишь на выходной) в группе, которая готовила материалы к очередному пленуму ЦК, посвященному плану и бюджету на следующий год, в той самой группе, в которую неизменно приглашали — до его смерти — и Н.Н. Иноземцева. Я в понедельник рассказал обо всем товарищам, и у нас с А.Е. Бовиным созрел план: попытаться во время намеченного на следующий день первого обсуждения материалов у Брежнева поговорить с ним обо всем этом деле — если, конечно, состояние здоровья Генерального секретаря будет таким, что с ним можно будет всерьез разговаривать.

Во вторник (числа точно не помню, но в память запало, что было это за два дня до партсобрания в ИМЭМО) встреча с Брежневым состоялась, самочувствие его было неплохим, и в конце деловой части мы с Бовиным попросили уделить нам несколько минут, как мы сказали, «по личному вопросу». После этого участвовавшие во встрече Г.Э. Цуканов и Н.В. Шишин вышли, и мы рассказали Брежневу о неприятностях, которые обрушились на Иноземцева и, видимо, ускорили его смерть, и о том, что на послезавтра намечено партийное собрание, где постараются испачкать и память о нем, а также планируют учинить погром в институте.

Брежнев, для которого, судя по его реакции, это было новостью, спросил: «Кому звонить?». Мы, посоветовавшись, сказали — лучше всего, наверное, Гришину, который был председателем партийной комиссии, расследовавшей это дело, тем более что и директива о проведении партсобрания исходила из МГК. Сделав нам знак, чтобы мы молчали, Брежнев нажал на соответствующую кнопку «домофона» (так называли аппарат, соединявший его с двумя— тремя десятками руководящих деятелей; притом трубку брать не надо было, аппарат был оснащен как динамиком, так и микрофо-

говорились о серьезных недостатках в кадровой политике Института — о неоправданно большом количестве евреев, о необходимости ужесточить правила выезда сотрудников ИМЭМО в заграничные командировки, о неудовлетворительной работе аспирантуры и т.д. Попытка Волкова реанимировать «дело ИМЭМО» была решительно пресечена П.Н. Федосеевым, сумевшим поставить на место зарвавшегося партчиновника (из воспоминаний академика В.А. Мартынова, которыми он поделился с автором).

ном). Тут же раздался голос Гришина: «Здравствуйте, Леонид Ильич, слушаю вас».

Брежнев рассказал ему, что слышал (источник он не назвал) о том, что какое-то дело было затеяно вокруг ИМЭМО и Иноземцева, даже создана комиссия во главе с ним, Гришиным. А теперь, по указанию МГК планируется партсобрание в этом институте, где будут посмертно прорабатывать Иноземцева, разбираться с партийной организацией и коллективом. «Так в чем там дело?» — спросил он.

Последовавший ответ был, должен признаться, таким, какого мы с Бовиным, проигрывая заранее все возможные сценарии разговора, просто не ожидали. «Я не знаю, о чем вы говорите, Леонид Ильич, — сказал Гришин. — Я впервые вообще слышу о комиссии, которая якобы расследовала какие-то дела в институте Иноземцева. Ничего не знаю и о партсобрании».

Я чуть не взорвался от возмущения, переполненный эмоциями, открыл рот для реплики, но Брежнев приложил палец к губам. И сказал Гришину: «Ты, Виктор Васильевич, все проверь, если кто-то дал указание прорабатывать покойного Иноземцева, это отмени и потом мне доложишь». И добавил несколько лестных фраз об Иноземцеве.

Когда он отключил «домофон», я не смог удержаться от комментария — никогда, мол, не думал, что члены Политбюро могут так нагло лгать Генеральному секретарю, притом что правду было легко выяснить, разоблачив обман. Брежнев в ответ только ухмыльнулся. Что значила эта ухмылка — не знаю. Возможно, он считал такие ситуации в порядке вещей. С этой встречи мы с Бовиным ушли со смешанным чувством. С одной стороны, были рады, что удалось предотвратить плохое дело. А с другой — были озадачены ситуацией наверху и моральным обликом некоторых руководителей, облеченных огромной властью¹.

Судя по последующему развитию событий, организаторы травли ИМЭМО вынуждены были отказаться от своих намерений. Гришин отменил намеченное комиссией партсобрание в Институте и, по существу, приказал свернуть деятельность комиссии. В качестве жеста «доброй воли» в отношении ИМЭМО, МГК КПСС отменил решение Севастопольского райкома об исключении К.Л. Майданика из партии. «Высшая мера» была заменена Майданику строгим выговором «с занесением», что позволило этому крупному ученому удержаться в Институте².

Что касается самой комиссии, то она фактически прекратила свое существование, хотя М.И. Волков и после неудачной попытки распустить партком и заменить В.Н. Шенаева на посту секретаря парторганизации все еще пытался вмешиваться в дела Института. Конец его произволу будет положен только по-

¹ Арбатов Георгий. Человек СИСТЕМЫ. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 341–343.

² На замене исключения Майданика из партии вынесением ему выговора настаивали партком и Дирекция ИМЭМО.

сле смерти К.У. Черненко, когда новый заведующий отделом науки ЦК КПСС В.А. Медведев, сменивший уволенного Трапезникова, отправит «на заслуженный отдых» и Волкова.

Еще раньше, в апреле 1983 г., неожиданно для всех были амнистированы Андрей Фадин и Павел Кудюкин¹. Они вышли на свободу, хотя на работе в ИМЭМО восстановиться им не удалось. Впоследствии, уже в начале 90-х годов, Фадин станет известным журналистом и политологом. Он трагически погибнет в автокатастрофе. Кудюкин в 1991—1993 гг. будет работать заместителем министра труда в правительствах Е. Гайдара и В. Черномырдина, а впоследствии перейдет на работу в Высшую школу экономики. Он один из видных деятелей социал-демократического движения в России.

О причинах, по которым Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума ВС СССР Ю.В. Андропов решил амнистировать двух диссидентов, годом ранее арестованных по приказу председателя КГБ Юрия Андропова, можно только догадываться. Скорее всего, он посчитал нецелесообразным начинать свое правление с показательных судебных процессов, что, несомненно, получило бы крайне негативный резонанс в международном сообществе.

От этого, в частности, предостерегал Андропова в своем предсмертном обращении Дональд Маклэйн, участник знаменитой «кембриджской пятерки», более 20 лет проработавший в ИМЭМО. Незадолго до своей кончины, последовавшей 7 марта 1983 г., Маклэйн согласился принять у себя дома английского журналиста, которому дал интервью с условием, что оно будет опубликовано только после его смерти. В этом интервью, среди прочего, Дональд Маклэйн высказался и по «делу Фадина — Кудюкина». Он призвал Андропова прекратить это «дело» и освободить двух идеалистов, вся вина которых состояла в том, что они, как и он, старый коммунист, мечтали о социализме «с человеческим лицом». Преследование этих молодых людей, о которых он отзывался с сочувствием и уважением, по мнению Маклэйна, может лишь повредить международному престижу Советского Союза.

Интервью Маклэйна появилось на страницах «Обсервер» в день его похорон, состоявшихся в Москве 11 марта. Содержание интервью в тот же вечер было распространено радиостанцией Би-Би-Си. Трудно сказать, повлияло ли на судьбу Фадина и Кудюкина обращение ветерана советской разведки к бывшему председателю КГБ, но так или иначе в последних числах апреля 1983 г. они были освобождены, а их дело закрыто. В «деле ИМЭМО» была поставлена точка.

Итак, можно ли говорить о том, что вся эта история завершилась «хэппи-энд»? Разумеется, нет. В ходе развязанной против него кампании Институт потерял своего директора — академика Н.Н. Иноземцева, которому в решающей степени был обязан высоким авторитетом и влиянием. Из драматических ис-

¹ Официальное помилование А. Фадина, П. Кудюкина и их «подельников» — Ю. Хавкина, В. Чернецкого и Б. Кагарлицкого — было осуществлено по представлению КГБ и Прокуратуры СССР указом Президиума ВС СССР от 25 апреля 1983 г.

пытаний ИМЭМО вышел заметно ослабевшим. Ему был нанесен тяжелый удар. Издержки могли быть еще более значительными, если бы противникам Иноземцева удалось вбить клин между Дирекцией и парткомом, на что очень рассчитывали организаторы «дела». К счастью, из этой затеи ничего не вышло. На всех этапах борьбы за выживание партком и его секретарь, д.э.н. В.Н. Шенаев, последовательно поддерживали Иноземцева, не идя на поводу у комиссии. Потому-то Волков и К^о и попытались распустить партком, с тем чтобы затем окончательно «разобраться» с научным коллективом непокорного Института и поставить во главе его послушного их воле бесцветного администратора.

После перенесенных им потрясений будущее ИМЭМО как ведущего научного центра во многом зависело от того, кто станет преемником академика Н.Н. Иноземцева, насколько авторитетной и масштабной фигурой окажется новый директор Института.

Нелегкая задача преодоления кризиса и возрождения ИМЭМО выпала на долю новых руководителей — сначала Александра Николаевича Яковлева, а затем сменившего его на посту директора Евгения Максимовича Примакова. Они успешно справились с этой задачей. Научный коллектив ИМЭМО нашел в себе силы преодолеть последствия учиненного над ним в 1982 г. идеологического погрома и уже в годы перестройки подтвердил заслуженную репутацию ведущего советского «мозгового центра» в изучении мирохозяйственных и международно-политических проблем. Институт и его руководство сыграли важную роль в подготовке и осуществлении перестройки, начатой М.С. Горбачевым весной 1985 г.

Если 70-е годы с полным основанием можно считать «золотым веком» в истории ИМЭМО, то вторая половина 80-х — это, безусловно, ее недолгий «серебряный век», оборвавшийся с распадом СССР и крушением коммунистического строя в 1991—1992 гг. Последующее десятилетие — это уже принципиально новый период не только в истории ИМЭМО, но и в истории всей отечественной науки, оказавшейся, вопреки первоначальным ожиданиям, в крайне тяжелом положении, буквально на грани выживания...